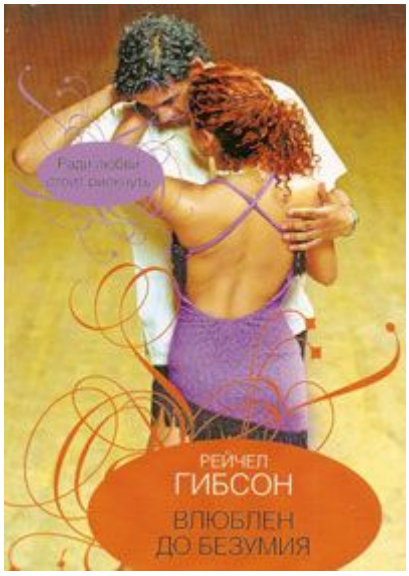
РЕЙЧЕЛ
ГИБСОН
ВЛЮБЛЕН
ДО БЕЗУМИЯ

Рэйчел Гибсон

Влюблен до безумия

OCR: Dinny; SpellCheck: vesna
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182399
Влюблен до безумия: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-057549-7, 978-5-403-00894-5

Аннотация

Согласно условиям отцовского завещания, очаровательная Делении Шоу должна провести в родном городишке целый год. А здесь главное для нее – держаться подальше от самого красивого и сексуального мужчины Ника Аллегреццы.

Впрочем, с этим у Делейни проблем быть не должно – достаточно вспомнить, что лихой байкер Ник, ее первая любовь, когда-то оставил ее.

Ник по-прежнему способен покорить даже самую неприступную женщину. Но стоит ли Делейни рисковать ради этого легкомысленного сердцееда, явно не способного на глубокое чувство?..

Содержание

Пролог 4
Глава 1 6
Глава 2 17
Глава 3 28
Глава 4 39
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Рейчел Гибсон
Влюблен до безумия

Моим родителям, Элу и Мэри Рид, с любовью. По ночам, когда мозг отдыхает, я до сих пор могу вспомнить аромат маминой кожи и колючий ежик папиных волос и понимаю, как мне повезло.

Пролог

Морщинистое лицо Генри Шоу озарял красноватый свет электрического камина. Теплый весенний ветерок доносил до него ржание его любимцев, аппалузов. Генри вставил в плейер старую кассету, и небольшой сарай, пристроенный к конюшне, наполнили звуки глубокого, чуть хрипловатого голоса Джонни Кэша. Джонни – пока не ударился в религию – был тот еще гуляка, и Генри это нравилось. Мужчина есть мужчина. А потом Джонни обрел Иисуса и Джун, и его карьера полетела ко всем чертям. Жизнь не всегда идет так, как планируешь. Бог, женщины и болезни умеют вмешаться и все испортить. Генри терпеть не мог, когда что-то мешало его планам. Он просто не выносил, когда не мог сам контролировать ситуацию.

Генри плеснул в стакан виски и посмотрел в оконце над верстаком. Уходящее солнце повисло над горой Шоу, названной в честь предка Генри, который когда-то обосновался в плодородной долине внизу. Длинные резкие тени протянулись через всю долину к озеру Лейк-Мэри, названному в честь прапрабабушки Генри, Мэри Шоу.

Что Генри ненавидел еще сильнее, чем Бога, болезни и невозможность контролировать ситуацию, так это чертовых докторов. Вечно они тычут и щупают тебя, пока не найдут, где у тебя что-нибудь не так. При этом ни один из них не сказал ничего такого, что Генри хотел бы услышать. И каждый раз он пытался доказать, что доктора ошибаются, но так и не смог.

Генри обрызнул тряпичную ветошь льняным маслом и сложил ее в большую картонную коробку. Он рассчитывал, что к этому возрасту у него будет целый выводок внуков, а вот не получилось. Он останется последним Шоу. Последним в череде поколений старой, уважаемой семьи. Некому продолжить его род после того, как его не станет… Некому, кроме Ника.

Генри сел в старое кабинетное кресло и поднес ко рту стакан с виски. Он первый готов признать, что был несправедлив к парню. Но вот уже несколько лет Генри пытался помириться с сыном, однако Ник – упрямый, он не прощает. Как был дерзким мальчишкой, которого невозможно полюбить, так им и остался. Прямо как он сам в детстве. Генри не сомневался, что, будь у него больше времени, они с сыном в конце концов нашли бы общий язык. Но времени у него не было, а Ник ничуть не облегчал его задачу. Если уж на то пошло, Ник сумел добиться, что Генри стало чертовски трудно хотя бы просто почувствовать к нему симпатию.

Генри вспомнился день, когда в его дверь постучалась мать Ника, Бенита Аллегрецца, и заявила, что темноволосый малыш у нее на руках – его сын. Тогда Генри перевел взгляд с темных глаз Бениты на большие голубые глаза своей жены Рут, стоявшей рядом с ним.

Он отпирался как мог. Конечно, вполне могло быть, что Бенита говорила правду, но Генри отрицал и саму вероятность этого. Даже если бы он не был женат, он не имел ни малейшего желания заводить ребенка от женщины из басков. На его вкус, они слишком смуглые, слишком непостоянные и слишком религиозные. У Генри должны быть светлокожие, свет-

ловолосые дети. Он не хотел, чтоб его детей можно было спутать с мексиканцами. Конечно, баски не мексиканцы, но, по его мнению, они все похожи.

Если бы не Джосу, брат Бениты, о связи Генри с молодой вдовой никто бы и не узнал. Но этот ублюдок, любитель овец, попытался шантажировать Генри и заставить признать Ника своим сыном. Когда явившийся к нему Джосу пригрозил рассказать всему городу, что Генри воспользовался уязвимым состоянием скорбящей вдовушки и обрюхатил ее, Генри решил, что тот блефует. Он пропустил угрозу мимо ушей, но, как оказалось, Джосу не блефовал. Правда, Генри и тогда не признал своего отцовства. Однако к пяти годам Ник стал так походить на Шоу, что Генри больше никто не верил. Даже Рут. Она развелась с ним и забрала половину его состояния.

Но тогда у него было время в запасе – он еще не переступил сорокалетний рубеж. Совсем молодой мужчина.

Генри достал револьвер триста пятьдесят седьмого калибра и вставил в барабан шесть пуль. После Рут он взял в жены Гвен. Она была незамужней матерью девочки, рожденной неизвестно от кого, но Генри все равно на ней женился – по нескольким причинам. Прежде всего Гвен явно не страдала бесплодием, а он подозревал, что с Рут дело обстояло именно так. К тому же она была так красива, что смотреть больно. А кроме того, и она, и ее дочь были несказанно благодарны Генри и очень податливы, так что он мог вылепить из них что хотел. Но в конце концов падчерица принесла ему горькое разочарование, а Гвен не могла дать то единственное, что ему было нужно. За все годы их брака она так и не подарила ему законного наследника.

Генри крутанул барабан и посмотрел на револьвер. Потом дулом подтолкнул коробку с промасленным тряпьем поближе к электрокамину. После его смерти никому не придется подчищать грязь. Из динамиков зазвучала песня, которую он ждал. Джонни пел о том, как падает в огненное кольцо, и Генри увеличил звук до максимума.

Он подумал о своей жизни, о людях, которых оставляет, и его взгляд немного затуманился. Жалко, что он не сможет увидеть выражения их лиц, когда они узнают, что он сделал.

Глава 1

– Смерть приходит в свой черед ко всем людям и приносит неизбежную, разлуку с теми, кого мы любим, – ровно и монотонно читал преподобный Типпет. – Нам будет недоставать Генри Шоу, возлюбленного мужа, отца, выдающегося члена общества. – Преподобный выдержал паузу и обвел взглядом большую группу людей, пришедших для последнего прощания. – Генри было бы приятно увидеть, как много его друзей собралось сегодня.

Генри Шоу достаточно было бы бросить один взгляд на вереницу автомобилей, выстроившихся за воротами кладбища Спасения, и он бы заключил, что это респектабельное собрание скромнее, чем то, чего он достоин. Вплоть до прошлого года, когда Генри проиграл выборы этому прохвосту, демократу Джорджу Танаси, он двадцать четыре года был мэром города Трули, штат Айдахо.

В этом небольшом сообществе Генри был большим человеком. Ему принадлежала половина предприятий, и у него было больше денег, чем у всех остальных жителей города, вместе взятых. Двадцать шесть лет назад, вскоре после того как первая жена с ним развелась, он заменил ее самой красивой женщиной, какую только смог найти. Ему принадлежала лучшая во всем штате пара веймарских легавых, Дьюк и Долорес, и до недавнего времени его дом был самым большим в городе. Но это было до того, как мальчишки Аллегрецца принялись застраивать весь город. А еще у него была падчерица, но о ней он не вспоминал уже несколько лет.

Генри нравилось собственное положение в обществе. Он был доброжелателен и щедр к людям, которые разделяли его взгляды, но если ты не друг Генри, значит, ты его враг. А тот, кто осмеливался бросить ему вызов, обычно потом жалел об этом. Он бывал напыщенным, мог быть настоящим сукиным сыном, и когда его обугленные останки извлекут из пекла, поглотившего его жизнь, обязательно найдутся такие, кто сочтет, что Генри Шоу получил именно то, чего заслуживал.

– Мы предаем земле тело нашего ближнего. Жизнь Генри…

Делейни Шоу, падчерица Генри, слушала монотонный, звучавший как музыкальный фон, голос преподобного Типпета и искоса поглядывала на мать. Гвен Шоу была прекрасна и в скорби, неброский траурный наряд смотрелся на ней очень неплохо, но Делейни это не удивляло – ее мать выглядела хорошо в чем угодно. Так было всегда. Делейни снова перевела взгляд на желтые розы, которыми был усыпан гроб Генри. Яркое июньское солнце искрилось на полированном красном дереве и сияющей латуни. Делейни достала из кармана зеленого костюма, позаимствованного для такого случая у матери, темные очки. Темные стекла в черепаховой оправе защитили ее глаза не только от слепящих солнечных лучей, но и от любопытных взглядов окружающих. Делейни расправила плечи и несколько раз глубоко вздохнула. Она не была дома десять лет. Она давно собиралась вернуться и помириться с Генри, да все как-то откладывала, а теперь оказалось слишком поздно.

Рыжевато-золотистые прядки вьющихся волос доходили Делейни до подбородка, ветерок бросил одну прядь ей в лицо, и она заправила волосы за уши. Делейни думала о том, что зря она так долго не приезжала, нужно было попытаться помириться. Не допускать, чтобы прошло так много лет… но ей почему-то не приходило в голову, что Генри может умереть. Только не Генри. Когда они виделись в последний раз, то наговорили друг другу массу ужасных вещей. Она до сих пор отчетливо помнила ярость Генри.

В отдалении что-то загрохотало. Грохот наводил на мысли о гневе Господнем, и Делейни подняла взгляд к небу, почти ожидая увидеть громы и молнии, – прибытие такого человека, как Генри, несомненно, должно вызвать волнение в раю. Но голубое небо остава-

лось чистым, гром же все не умолкал, и Делейни посмотрела туда, откуда он доносился, – в направлении чугунных ворот кладбища.

Верхом на стальном чудовище, сияющем черным лаком и хромом, к собранию скорбящих мчался одинокий мотоциклист со взъерошенными ветром волосами. От рева мощного мотора содрогался, казалось, не только воздух, но и земля. Торжественность церемонии погребения была осквернена запахом выхлопных газов.

Мотоциклист в линялых джинсах и белой футболке сбавил скорость, и «харлей» с урчанием затормозил перед серым катафалком. Мотор умолк, и стало слышно, как мотоциклист шаркнул по асфальту каблуком ботинка, опуская опору мотоцикла. Одним плавным движением он встал. На щеках и волевом подбородке темнела трехдневная щетина, привлекая внимание к четко очерченным губам. В ухе мотоциклиста поблескивала золотая серьга-колечко, глаза его были скрыты под широкими зеркальными стеклами очков «Оукли». Наглый мотоциклист показался Делейни смутно знакомым, было что-то узнаваемое в его оливковой коже и темных волосах, но Делейни не могла вспомнить, откуда она его знает.

– О Господи! – ахнула рядом с ней мать. – Просто не верится, что он посмел явиться в таком виде!

Ее изумление и негодование разделили и другие скорбящие; не страдая избытком хороших манер, они стали обмениваться мнениями громким шепотом:

– От него ничего хорошего не жди!

– Он всегда был испорченным до мозга костей.

Джинсы «Ливайс» плотно облегали крепкие бедра мотоциклиста и длинные ноги. Теплый ветерок прижимал футболку к широкой груди, и под тонкой тканью отчетливо просматривались мускулы. Делейни снова подняла взгляд к его лицу.

Он медленно снял очки, сунул их в нагрудный карман футболки, и его серые глаза в упор посмотрели на нее.

У Делейни сердце замерло, кости словно расплавились. Она узнала эти глаза, прожигающие ее взглядом. Они были точной копией ирландских глаз его отца, но ошеломляли куда больше, потому что смотрели с лица, в котором явно чувствовалось баскское происхождение.

Ник Аллегрецца, предмет ее девичьего восхищения и источник ее разочарований. Ник, змей с хорошо подвешенным языком. Он стоял в непринужденной позе, перенеся вес на одну ногу, и словно бы не замечал, какое смятение произвел своим появлением. Хотя, наверное, заметил, просто ему было на это плевать. Делейни не была дома десять лет, но некоторые вещи, по-видимому, не изменились. Ник повзрослел, черты его лица окончательно определились, его по-прежнему нельзя было не заметить.

Преподобный Типпет склонил голову.

– Помолимся за Генри Шоу.

Делейни опустила голову и закрыла глаза. Даже в детстве Ник слишком привлекал к себе внимание. Его старший брат Луи тоже был необузданным, и все же не таким диким, как Ник. Все знали, что братья Аллегрецца – сумасшедшие, импульсивные баски, колючие и скорые на расправу.

Каждую девушку в городе в свое время предупредили, что от этих братьев надо держаться подальше, но многих влекло к «этим баскам», как зов природы неумолимо влечет леммингов к смертельным для них водам океана. А Ник имел еше и репутацию соблазнителя девственниц. Но Делейни он не соблазнил. Вопреки расхожему мнению, она не кувыркалась в постели с Ником Аллегреццей. В отличие от многих она не отдала ему свою невинность.

Во всяком случае, формально.

– Аминь, – дружно повторили за преподобным все собравшиеся.

– Да, аминь, – запоздало пробормотала Делейни. Ей было немного совестно, что она отвлеклась во время молитвы. Она посмотрела поверх очков и прищурилась. Ей было видно, как шевельнулись губы Ника, когда он быстро перекрестился. Как и остальные баски в округе, он, конечно, был католиком. И все же когда этот вопиюще сексуальный мотоциклист с длинными волосами и серьгой в ухе крестится, как священник, это выглядит странно. Потом с таким видом, как будто в его распоряжении целый день, Нйк медленно скользнул взглядом снизу вверх по костюму Делейни и посмотрел ей в лицо. На мгновение в его глазах что-то вспыхнуло, но так же быстро погасло, и он переключил внимание на блондинку в розовом платье на бретельках, которая стояла с ним рядом. Та привстала на цыпочки и что-то прошептала ему на ухо.

Собравшиеся на похороны столпились вокруг Делейни и ее матери перед тем как разъехаться, они подходили выразить им свои соболезнования. Потеряв Ника из виду, Делейни повернулась к людям, проходившим перед ней. Многих из них Делейни узнавала, друзья Генри останавливались поговорить с ней, но среди собравшихся было очень мало людей моложе пятидесяти. Делейни улыбалась, кивала, пожимала руки – и ненавидела каждую минуту, которую ей приходилось проводить под столь пристальным вниманием. Ей хотелось побыть одной, чтобы подумать о Генри, вернуться в их лучшие времена. Хотелось вспомнить Генри таким, каким он был до того, как они так ужасно разочаровали друг друга. Но Делейни понимала, что такая возможность представится ей еще не скоро. Она безмерно устала эмоционально, и к тому времени, когда они с матерью наконец сели в лимузин, который должен был отвезти их домой, ей хотелось только одного: уснуть.

Внимание Делейни снова привлек гул мотоцикла. Она оглянулась на Ника. Он дважды крутанул ручку акселератора, поднял подставку и нажал на газ. Глядя, как он проносится мимо, Делейни нахмурилась: блондинка прижалась к его спине так плотно, словно присосалась. Он снял женщину на похоронах Генри! Снял так, будто не на похоронах побывал, а шлялся по барам. Делейни ее лицо не было знакомо, но она не удивилась, что какая-то женщина уходит с похорон с Ником. Для него нет ничего святого. Он не привык ограничивать себя какими-то рамками.

Делейни села в лимузин и откинулась на бархатную спинку сиденья. Генри умер, но ничего не изменилось.

– Хорошая была служба, правда? – сказала Гвен, прервав раздумья дочери.

Лимузин отъехал от кладбища и повернул в сторону 55-го хайвея. Делейни смотрела на голубые проблески озера Лейк-Мэри, едва различимого за густым сосновым лесом.

– Да. – Она повернулась к матери. – Хорошая.

– Генри тебя любил. Он просто не умел идти на компромисс.

Они обсуждали эту тему много раз, и сейчас у Делейни не было желания говорить об этом снова. Разговор всегда начинался и заканчивался одинаково, но они ни разу не пришли ни к какому решению.

– Как ты думаешь, сколько человек придет?

Делейни имела в виду поминки.

– Думаю, почти все.

Гвен протянула руку и заправила прядь волос Делейни за ухо.

Та почти ожидала, что мать послюнявит пальцы и поправит кудряшки у нее на лбу. В детстве Делейни терпеть этого не могла, да и сейчас тоже. Гвен постоянно что-то поправляла, как будто дочь – такая, как есть – была недостаточно хороша. Гвен постоянно суетилась, словно старалась переделать дочь на свой лад.

Нет, ничего не изменилось.

– Лейни, я так рада, что ты снова дома.

Делейни стало душно, и она нажала кнопку электрического стеклоподъемника. Вдохнула свежий горный воздух и медленно выдохнула. «Всего два дня, – сказала она себе, – через два дня можно будет вернуться домой».

На прошлой неделе Делейни получила извещение о том, что она упомянута в завещании Генри. Странно, что он включил ее в число наследников – если вспомнить, как они расстались. Делейни подумала, включил ли он в завещание и Ника или проигнорировал своего сына даже после смерти.

Делейни сомневалась, что Генри завещал ей деньги или собственность, скорее всего он оставил какой-нибудь издевательский подарок – например, проржавевшую рыбацкую лодку или чучело. Что бы это ни было, в любом случае она собиралась уехать сразу же после оглашения завещания. Оставалось только набраться храбрости сказать об этом матери. Делейни решила, что, пожалуй, позвонит Гвен из телефона-автомата уже из окрестностей Солт-Лейк-Сити. А пока она собиралась встретиться с несколькими старыми подругами, посетить местные бары – словом, перекантоваться до тех пор, когда можно будет вернуться в большой город, где она сможет дышать. Делейни знала, что если она задержится здесь больше чем на несколько дней, то потеряет голову, а может быть, и хуже того – самое себя.

– Ну и ну, смотрите-ка, кто вернулся!

Делейни поставила на стойку буфета тарелку с грибными деликатесами и встретила взгляд своей соперницы с детских лет, Хелен Шнупп. Пока Делейни росла, Хелен вечно была дня нее как заноза в пальце, камешек в туфле. Куда бы Делейни ни повернулась, она была тут как тут – и обычно на шаг впереди. Она была красивее, быстрее на беговой дорожке, лучше играла в баскетбол. Во втором классе Хелен оттеснила ее на второе место в окружных соревнованиях по правильному произношению слов. В восьмом классе Хелен побила ее в борьбе за место капитана команды болельщиц. В одиннадцатом Хелен застукали с бойфрендом Делейни, Томми Маркемом, когда они трахались на заднем сиденье семейного пикапа Маркемов. Такие вещи девушки не забывают, и сейчас Делейни испытала мстительное удовлетворение, посмотрев на волосы Хелен и увидев посеченные концы и пережженные мелированные пряди.

– Хелен Шнупп!

Как ни ненавистна была Делейни эта мысль, но она не могла не признать, что ее старая врагиня по-прежнему красива.

– Теперь Маркем. – Хелен взяла круассан и положила на него ломтики бекона. – Мы с Томми вот уже семь лет как счастливо женаты.

Делейни принужденно улыбнулась.

– Ну разве не здорово?

Делейни сказала себе, что ей нет дела до этой парочки, однако она не раз тешила себя фантазией, что Хелен и Томми закончат, как Бонни и Клайд. Сам факт, что она до сих пор носит в себе такую злобу, беспокоил Делейни не столь сильно, как, наверное, должен бы был. И Делейни подумалось, что, возможно, ей все-таки пора показаться психотерапевту.

– А ты замужем?

– Нет.

Хелен посмотрела на нее с жалостью.

– Твоя мать сказала, что ты живешь в Скоттсдейле.

Делейни очень хотелось расплющить круассан о физиономию Хелен, однако она сдержалась.

– Я живу в Финиксе.

– А-а. – Хелен потянулась за грибами. – Наверное, я неправильно расслышала.

Делейни сомневалась, что у Хелен проблемы со слухом. Другое дело – с волосами, и если бы Делейни не решила уехать через несколько дней и если бы к тому же была подобрее,

то, возможно, предложила бы Хелен немного привести волосы в порядок. Пожалуй, она бы замазала тонкие жесткие кудряшки протеиновой маской и обернула целлофаном… Но нет. Она не настолько добра.

Делейни обвела взглядом гостиную, полную людей, и отыскала мать. Гвен стояла в окружении друзей, ее светлые волосы были в идеальном порядке, макияж безукоризненный, и выглядела она как королева при собственном дворе. Для Трули, штат Айдахо, Гвен всегда была местной Грейс Келли. Она даже чем-то на нее походила. В сорок четыре Гвен легко можно было дать тридцать девять, и, по ее словам, она выглядела слишком молодой, чтобы иметь дочь двадцати девяти лет.

В любом другом месте разница в возрасте между матерью и дочерью всего в пятнадцать лет могла бы вызвать неодобрительное кивание немалого числа голов, но в провинциальном Айдахо было не редкостью, что молодые люди женятся на следующий день после школьного выпускного бала – иногда потому, что невеста вот-вот родит. Беременность среди подростков не вызывала ни у кого негодования; разумеется, кроме тех случаев, когда девочка не выходила замуж. Такого рода скандал мог тлеть, подогревая сплетни, годами.

В Трули все были уверены, что молодая жена мэра овдовела вскоре после того, как вышла замуж за отца Делейни, однако все было не совсем так. В пятнадцать лет Гвен связалась с женатым мужчиной. Узнав, что она беременна, он ее бросил, и она уехала из города.

– Как вижу, ты вернулась… А я думала, ты умерла.

Делейни обернулась на голос старой миссис Ван Дамм.

Она стояла, сгорбившись и опираясь на алюминиевые ходунки, ее белые волосы, словно приклеенные к голове, были завиты мелкими буклями в точности также, как помнилось Делейни. Она не вспомнила имени женщины, да и сомневалась, что его вообще кто-нибудь произносил. Все всегда называли ее «старая миссис Ван Дамм». Теперь она стала совсем древней, от старости и остеопороза сгорбилась – настоящее ископаемое.

– Вам принести что-нибудь из еды? – предложила Делейни.

Глядя на старуху, она встала ровнее и попыталась вспомнить, когда в последний раз пила молоко или хотя бы ела печенье, обогащенное кальцием.

Миссис Ван Дамм не без труда подцепила яйцо, а затем протянула свою тарелку Делейни.

– Мне вон того и того, – сказала она, показывая на разные блюда.

– Может быть, салат?

– Меня от него пучит, – сказала миссис Ван Дамм шепотом и показала на миску с амброзией: – Вот это выглядит аппетитно. И еще положи-ка мне пару куриных крылышек. Они острые, но у меня с собой антацид.

Несмотря на свою миниатюрность и хрупкость, миссис Ван Дамм ела как лесоруб.

– Вы не родственница Жан-Клода? – спросила Делейни, пытаясь внести немного оживления в скорбное мероприятие.

– Кого?

– Жан-Клода Ван Дамма, кикбоксера.

– Нет, не знаю я никакого Жан-Клода, хотя, может, в Эммете такой есть. Ван Даммы из Эммета – они такие проказники, вечно попадают во всякие истории. В прошлом году Тедди, среднего внука моего покойного брата, арестовали за то, что он украл медведя Смоки, который стоял перед зданием лесничества. Не представляю, для чего ему это понадобилось, зачем он решил стащить статую?

– Может, потому что его зовут Тедди?

– А?

Делейни нахмурилась:

– Ладно, не важно.

Делейни уже жалела, что попыталась шутить. Она успела забыть, что ее чувство юмора не разделяли в небогатых южных городках, где мужчины использовали вместо пепельниц карманы своих рубашек. Усадив миссис Ван Дамм за столик возле буфета, она направилась к бару.

Делейни не раз думала, что весь этот ритуал с поминками, когда сразу после похорон люди собираются вместе, чтобы объедаться как свиньи и пить, – довольно странная штука. Она предполагала, что он придуман для поддержки и утешения родственников покойного. Однако сама Делейни совершенно не чувствовала себя утешенной. Она чувствовала себя выставленной напоказ; впрочем, у нее всегда было такое ощущение, когда она жила в Трули. Она росла здесь как дочь мэра и его очень красивой жены. При этом она всегда в чем-то до них не дотягивала – никогда не была такой общительной и энергичной, как Генри, и красивой, как Гвен.

Делейни прошла в гостиную, где старые друзья Генри из заведения «Мус лодж» организовали бар. В гостиной пахло виски «Джонни Уокер». На Делейни никто не обратил внимания, она налила себе вина и окинула взглядом туфли на низких каблуках – туфли Гвен, которые Делейни надела по настоянию матери.

Она знала за собой склонность к навязчивым идеям, но, строго говоря, у нее была только одна страсть – она была буквально помешана на туфлях. Делейни легко могла понять Имельду Маркос, которая имела три тысячи пар обуви. Делейни обожала туфли – любые, кроме классических лодочек на широких низких каблуках. Она предпочитала шпильки, сексуальные сапоги или греческие сандалии. Впрочем, ее одежду тоже нельзя было назвать консервативной. Последние несколько лет Делейни работала в «Валентайне», шикарном парикмахерском салоне, где клиенты выкладывали за стрижку сотню долларов, рассчитывая при этом, что стилисты будут одеты как законодатели моды. За свои деньги клиенты хотели видеть вокруг себя короткие виниловые юбки, кожаные брюки, прозрачные блузки, сквозь которые просвечивает черный бюстгальтер. Не совсем подходящая одежда, чтобы появиться в ней на похоронах человека, который много лет был мэром маленького городка.

Делейни уже собиралась выйти из комнаты, когда ее внимание привлек разговор двух гостей.

– Дон сказал, что, когда они вытащили Генри, он выглядел как угольный брикет.

– Страшная смерть.

Мужчины качали головами и пили виски. Делейни знала, что в сарае при конюшне, которую Генри построил на противоположном конце города, произошел пожар. По словам Гвен, Генри в последнее время увлекся разведением аппалузов, но не хотел, чтобы возле его дома пахло навозом.

– Генри любил этих лошадок, – сказал Муз. На нем был костюм ковбойского покроя. – Я слыхал, от сарая загорелась и конюшня. От этих аппалузов мало что осталось – несколько костей да пара копыт.

– Как думаешь, это был поджог?

Делейни закатила глаза. «Поджог». В таком городишке, где даже кабельного телевидения нет, люди обожают слушать и распускать сплетни. Население Трули этим и жило, сплетни стали для обитателей города чем-то вроде десерта.

– Следователи из Буаза не считают, что это был поджог, но все же такую версию не исключают.

В разговоре возникла пауза, потом кто-то сказал:

– Вряд ли это был поджог. Кто бы мог решиться на такое?

– Может, Аллегрецца?

– Ник?

– Он Генри терпеть не мог.

– По правде говоря, таких, кто Генри недолюбливал, было много. Но сжечь человека и его лошадей… это ж какая должна быть ненависть. Сомневаюсь, что Аллегрецца так сильно его ненавидел.

– Генри не давали покоя все эти дома, которые Ник понастроил на Кресент-Бей. Пару месяцев назад в «Шевроне» они так из-за этого поспорили, что чуть до драки не дошло. Уж не знаю, как ему удалось заполучить у Генри этот кусок собственности. А потом он взял и понастроил там жилых домов.

Покачав головами, мужчины вернулись к своим стаканам. Делейни в свое время провела много часов, лежа на белом песке и плавая в прозрачной голубой воде Кресент-Бей. Этот лакомый кусочек недвижимости, расположенный на длинной полосе дикого пляжа, был предметом вожделений почти каждого в городе. Эта земля принадлежала семье Генри на протяжении нескольких поколений. Интересно, как все-таки Ник сумел ее заполучить?

– Я слышал, что Аллегрецца сколотил на этих домах целое состояние?

– Точно. Их расхватывают калифорнийцы. И оглянуться не успеем, как у нас тут все заполонят эти неженки, которые пьют латте и курят «дурь».

– Или, еще того хуже, актеры.

– Не дай Бог, поселится какой-нибудь доброжелатель вроде Брюса Уиллиса и начнет переделывать все по-своему. Как это случилось с Хейли. Он туда въехал, перестроил несколько зданий и вообразил, будто теперь может диктовать всему штату, за кого надо голосовать.

Мужчины выразили свое единодушие кивками и недовольным ворчанием. Когда разговор перешел на актеров и боевики, Делейни, никем не замеченная, вышла из комнаты. Пройдя по коридору, она вошла в кабинет Генри и закрыла за собой дверь. Со стены над массивным письменным столом красного дерева на нее смотрело лицо Генри. Делейни помнила, когда Генри заказал этот портрет. Ей тогда было тринадцать, и примерно в это время она впервые попыталась получить немного независимости. Она хотела проколоть уши. Генри сказал «нет». Это был не первый и не последний раз, когда он применил к ней свою власть. Генри всегда нужно было все контролировать.

Делейни села в большое кресло и с удивлением обнаружила, что на столе стоит ее фотография. Ей вспомнился день, когда Генри сделал этот снимок. Это было тогда, когда вся ее жизнь переменилась. Ей было семь лет, и ее мать только что вышла замуж за Генри. В этот день она вышла из одноместного номера отеля на окраине Лас-Вегаса и после недолгого перелета вошла в трехэтажный особняк в викторианском стиле в Трули.

Когда Делейни впервые увидела этот дом с парными башенками и остроконечной крышей, то подумала, что приехала во дворец, а значит, Генри, по-видимому, король. Особняк с трех сторон окружал лес, в котором было вырублено пространство для прекрасного ландшафтного парка. Позади дома парк полого спускался к холодным водам озера Лейк-Мэри.

Вылетев из нищеты, через считаные часы Делейни приземлилась в сказке. Ее мать была счастлива, а Делейни чувствовала себя принцессой. И в тот день, сидя на ступенях веранды в белом платье с оборками, которое надела на нее мать, она влюбилась в Генри Шоу. Он был старше других мужчин, которые появлялись в жизни ее матери, и лучше. Он не кричал на Делейни, не доводил до слез ее мать. Благодаря Генри девочка почувствовала себя в безопасности – ощущение, которое в ее юные годы ей доводилось испытывать слишком редко. Генри удочерил Делейни и стал для нее единственным отцом, которого она когда-либо знала. Вот почему она любила Генри и всегда будет любить.

А еще в тот день она впервые увидела Ника. Он выглядывал из кустов на лужайке Генри, и в его серых глазах горела ненависть, на щеках от гнева выступили красные пятна. Делейни испугалась и в то же время пришла в восторг. Ник с его черными волосами, гладкой загорелой кожей и дымчато-серыми глазами был красивым мальчиком.

Он стоял в кустах, вытянув руки по бокам, и в его напряженной позе был вызов. В его венах бурлила кровь басков и ирландцев. Некоторое время Ник смотрел на них, а затем обменялся несколькими словами с Генри. Сейчас, через много лет, Делейни не помнила слов, но хорошо помнила, как он был взбешен.

Потом Ник повернулся и ушел, расправив плечи и гордо подняв голову.

– Держись от него подальше, – сказал Генри.

Это был не последний раз, когда Генри велел ей держаться подальше от Ника, но сейчас, спустя годы, Делейни жалела, что не послушалась этого предупреждения.

Ник натянул джинсы и встал, чтобы застегнуть молнию. Он оглянулся на женщину, лежавшую среди смятых простыней на кровати в номере мотеля. Глаза ее были закрыты, и дышала она легко и ровно. Это была Гейл Оливер, дочь местного судьи и недавно разведенная мать маленького сына. Чтобы отпраздновать конец своего брака, она сделала липосакцию и вставила в груди имплантаты с соляным раствором. На похоронах Генри она подошла к Нику и откровенно объявила, что хочет, чтобы он был первым, кто увидит ее новое тело. По выражению ее глаз Ник понял – она считает, что он должен быть польщен. Он не был. Но ему нужно было отвлечься, а она предлагала способ сделать это, и он согласился. Когда Ник подъехал на «харлее» к мотелю, она притворилась оскорбленной, но отвезти ее домой не попросила.

Ник отвернулся от женщины и прошел по зеленому ковру к раздвижным дверям на маленький балкон, выходящий на 55-й хайвей. Он не собирался приезжать на похороны старика, и сам до сих пор толком не мог понять, как получилось, что он все-таки приехал. Только что он стоял на берегу Кресент-Бей, обсуждая детали с субподрядчиком, и вдруг уже сидит на мотоцикле и едет в сторону кладбища. Ник не собирался там появляться. Он знал, что является персоной нон грата, и все-таки приехал. По какой-то причине, докапываться до которой ему не хотелось, он чувствовал, что должен попрощаться со стариком.

Ник отошел в угол балкона, подальше от прямоугольника света, падавшего на дощатый пол, и погрузился в темноту. Преподобный Типпет едва успел произнести «аминь», когда Гейл в обтягивающем платье на тоненьких бретельках предложила Нику переспать.

– В тридцать три мое тело лучше, чем было в шестнадцать, – прошептала она ему на ухо.

Ник смутно помнил, как Гейл выглядела в шестнадцать, однако он не забыл, что ей нравился секс. Гейл была из тех девчонок, которые любят трахаться, но потом пытаются вести себя как девственницы. Бывало, она удирала из дома и скреблась в дверь бакалейной лавки Ломакса, где Ник работал – мыл полы после закрытия. Если он был в настроении, то впускал ее и занимался с ней сексом на ящике с товаром или на прилавке перед кассой. А потом она вела себя так, как будто сделала ему одолжение. Но на самом деле оба знали, что это неправда.

Прохладный ночной воздух трепал волосы Ника и обдувал его, но он не замечал холода. Делейни вернулась. Услышав про Генри, Ник рассудил, что она должна приехать домой на похороны. Но все равно он был потрясен, когда увидел ее, стоящую у гроба, с волосами, выкрашенными оттенков в пять рыжего цвета. Десять лет прошло, а она по-прежнему напоминала ему фарфоровую куклу, хрупкую, нежную и гладкую как шелк. При первом же взгляде на нее Ник вспомнил все так, как будто это было вчера. Тогда ее волосы были белокурыми и было ей семь лет.

В тот день, больше двадцати лет назад, стоя в очереди за мороженым, он впервые услышал про новую жену Генри Шоу. Ник не сразу поверил этой новости. Генри снова женился? Поскольку Ника интересовало все, что имело отношение к Генри, он и его старший брат Луи сели на велосипеды и помчались в объезд озера к огромному викторианскому особняку Генри. Мысли Ника крутились так же быстро, как колеса его велосипеда. Он знал, что Генри

никогда не женится на его матери. Сколько Ник себя помнил, он и Генри всегда друг друга ненавидели. Они даже почти не разговаривали. Генри большей частью его просто игнорировал, но сейчас у Ника появилась надежда, что все может измениться. Вдруг новая жена Генри любит детей и он ей понравится?

Ник и Луи спрятали велосипеды за соснами и залегли под густыми кустами краснокоренника, окаймлявшими террасную лужайку. Это местечко они хорошо знали. Луи был старше Ника, ему было двенадцать, но Ник лучше умел ждать – возможно, потому, что привык, а может быть, потому, что его интерес к Генри Шоу был глубоко личным. Мальчики устроились поудобнее и приготовились ждать.

Примерно через час наблюдения Луи заныл:

– Он не выходит из дома. Мы столько тут проторчали, а он так и не вышел.

– Рано или поздно он выйдет. – Ник посмотрел на брата, потом снова на большой серый дом. – Должен выйти.

– Лучше пойдем половим рыбу в пруду мистера Бендера.

Каждое лето мистер Бендер выпускал в свой пруд, вырытый за домом, форель. И каждое лето братья Аллегрецца освобождали его от нескольких красивых рыбин дюймов по двенадцать длиной. Ник напомнил брату, что на прошлой неделе мать дала им по рукам деревянной ложкой. Обычно Бенита Аллегрецца отчаянно защищала сыновей, но когда мистер Бендер привел домой их обоих, пропахших рыбьими потрохами и несущих каждый по нескольку рыбин на леске, отрицать очевидное не могла даже Бенита.

– Она ничего не узнает, потому что Бендера нет в городе.

Ник подумал о голодных форелях в пруду, так и ждущих его острого крючка с наживкой. Но потом покачал головой и стиснул зубы. Если Генри действительно женился, то надо дождаться и увидеть его новую жену.

– Ты ненормальный, – возмущенно сказал Луи и выбрался из кустов.

– Пойдешь ловить рыбу?

– Нет, вернусь домой. Только вот сначала попытаюсь устроить наводнение ящерицам.

Ник улыбнулся. Ему нравилось, когда старший брат говорил обо всякой ерунде с таким невозмутимым видом, как сейчас.

– Не говори маме, где я. Сама-то она уж точно об этом не догадается.

Луи расстегнул молнию на брюках и помочился на большой валун.

– Не скажу.

Когда брат укатил, Ник снова переключил внимание на дом. Подперев голову рукой, он стал наблюдать за парадным входом. Мальчик лежал и думал о том, как ему повезло, что у него есть старший брат, который учится в седьмом классе. С Луи Ник мог поговорить обо всем, и тот никогда его не высмеивал. Луи уже видел в школе фильм про половое созревание, поэтому ему можно было задавать серьезные вопросы – например когда вокруг члена появятся волосы, и обо всяких других вещах, о которых не спросишь так запросто у матери-католички.

По руке Ника пополз муравей, Ник собирался его раздавить, когда парадная дверь вдруг открылась. Он замер. Генри вышел из дому, остановился на веранде и оглянулся. Потом сделал знак рукой, и из дверей вышла маленькая девочка. Пышная грива светлых кудряшек обрамляла ее лицо, ниспадая на спину. На девочке было белое платье с оборками и кружевные носочки, какие девочки обычно надевают к первому причастию, хотя день был даже не воскресный. Генри указал в ту сторону, где лежал в засаде Ник. Тот затаил дыхание, испугавшись, что его заметили.

Генри и девочка пошли через лужайку в сторону укрытия, где прятался Ник.

– А вот здесь, – сказал Генри девочке, – есть отличное большое дерево, как раз подходящее, чтобы устроить домик на дереве.

Девочка посмотрела на возвышающегося над ней мужчину и кивнула. Ее золотистые кудряшки запрыгали как пружинки. У девочки были большие карие глаза, а кожа гораздо светлее, чем у Ника. Казалось, она похожа на тех куколок, что Тиа Нарцисса запирает в шкаф со стеклом, подальше от неуклюжих мальчишек с грязными руками. Нику никогда не разрешалось трогать этих кукол, но ему не очень-то и хотелось.

– Как у Винни Пуха? – спросила девочка.

– А ты хочешь?

– Да, Генри.

Генри опустился на одно колено и посмотрел девочке в глаза.

– Ты можешь называть меня папой, я теперь твой отец.

Грудь Ника словно что-то сдавило, а сердце забилось так сильно, что стало трудно дышать. Он ждал этих слов всю жизнь, но Генри сказал их не ему, а этой глупой светлокожей девчонке, которой нравится Винни Пух. Должно быть, он издал какой-то звук, потому что Генри и девочка разом посмотрели в его сторону.

Генри встал и спросил:

– Кто здесь?

Обмирая от страха, Ник медленно поднялся и предстал перед человеком, которого мать всегда называла его отцом. Генри стоял, расправив плечи, и смотрел в светло-серые глаза Ника.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросил он. Ник вздернул подбородок, но не ответил.

– Генри, кто это? – спросила девочка.

– Никто, – сказал Генри и повернулся к Нику: – Уходи домой. Уходи и больше здесь не появляйся.

Ник Аллегрецца стоял в кустах краснокоренника, доходивших ему почти до груди, коленки у него дрожали, в желудке ныло, и он чувствовал, как его надежды умирают. В эту минуту он ненавидел Генри Шоу.

– Сукин сын, – прошипел Ник и посмотрел на девочку с золотыми волосами.

Ее он тоже ненавидел. С ненавистью в глазах он повернулся и вышел из укрытия. Больше он не вернется. Ему надоело прятаться в тени. Все. С этим покончено. Он больше не будет ждать того, чего ему никогда не видать.

Звук шагов вернул Ника к реальности.

– Ну и что ты думаешь?

Гейл подошла к нему сзади и обняла за талию. Ее голые груди отделяла от его спины только тонкая ткань платья.

– О чем?

– О новой и улучшенной версии меня.

Ник повернулся и посмотрел на Гейл. Она стояла там, куда свет не падал, и ему было не очень хорошо ее видно.

– Ты выглядишь неплохо.

– Неплохо? Я потратила на новую грудь несколько тысяч баксов, и это все, что ты можешь сказать? «Неплохо»?

– А чего ты от меня ждала? Могу сказать, что лучше бы ты инвестировала эти деньги в недвижимость, чем тратить на соленую воду.

Гейл надула губы.

– Я думала, мужчинам нравится большая грудь, – сказала она с обидой в голосе.

Большая у женщины грудь или маленькая, не так важно. Главное, что женщина делает со своим телом. Нику нравилось, когда женщина умеет пользоваться тем, что у нее есть,

когда в постели она теряет контроль над собой. Когда женщина может полностью отпустить тормоза в постели. А Гейл слишком пеклась о том, как она выглядит.

– Я думала, все мужчины балдеют от большой груди.

– Не все.

Ник давно не предавался фантазиям о женщинах. Если разобраться, он не фантазировал с детства, а тогда все фантазии были на одну тему.

Гейл обняла его за шею и приподнялась на цыпочки.

– Кажется, совсем недавно ты ничего не имел против.

– А я и не говорил, что против.

Она провела рукой вниз по его груди до живота.

– Тогда займись со мной любовью снова.

Ник взял ее за запястье.

– Я не занимаюсь любовью.

– Тогда чем мы занимались полчаса назад?

Ника подмывало ответить одним коротким словом, но он понимал, что Гейл не оценит его искренности. Он подумал, не отвезти ли ее домой, но она положила руку на ширинку его джинсов, и он решил не торопиться, а выяснить, что у нее на уме.

– Это был секс, – сказал он. – Одно к другому не имеет никакого отношения.

– Это звучит как-то горько.

– Почему? Потому что я не смешиваю секс с любовью?

Ник не чувствовал в себе горечи, только равнодушие. Что до него, то он не видел в любви никакого проку. Пустая трата времени и эмоций.

– Наверное, ты никогда не был влюблен. – Гейл крепче прижала руку к его ширинке. – Может, ты еще влюбишься в меня.

Ник издал грудной смешок.

– Не рассчитывай на это.

Глава 2

На следующий день после похорон Делейни встала поздно и едва не угодила на собрание Благотворительного общества Трули. Она рассчитывала провести весь день дома, ничем не занимаясь, побыть с матерью, а вечером увидеться с лучшей подругой школьных лет, Лайзой Коллинз. Делейни и Лайза договорились встретиться в баре Морта и провести вечерок за сплетнями под «Маргариту».

Но у Гвен были другие виды на Делейни.

– Я хочу, чтобы ты осталась на собрание.

В платье из дымчато-голубого шелка она была похожа на модель из каталога. Гвен посмотрела па туфли Делейни, и ее лоб пересекли легкие складочки.

– Мы надеемся купить новое оборудование для детской площадки Ларкспур-парка, и я думала, что ты поможешь нам придумать какой-нибудь интересный способ собрать деньги.

Делейни скорее согласилась бы жевать фольгу, чем участвовать в скучнейшем собрании какого-нибудь общества, в которое входила мать.

– У меня другие планы, – соврала она, размазывая по тосту из кренделя клубничное варенье.

Даже в свои двадцать девять она не могла разочаровать мать преднамеренно.

– Какие планы?

– Я иду на ленч с подругой. – Делейни прислонилась спиной к кухонному шкафу вишневого дерева и вонзила зубы в крендель.

В уголках голубых глаз Гвен появились тонкие морщинки.

– Ты собираешься выйти в город в таком виде?

Делейни посмотрела на собственный наряд: белая водолазка без рукавов, черные джинсовые шорты и босоножки на танкетке с длинными кожаными ремешками, переплетенными на икрах. Вполне консервативный наряд, вот разве что обувь несколько выпадает из стандартов маленького городка. Но Делейни было все равно; главное, что эти босоножки ей нравились.

– Мне нравится, как я одета.

Делейни снова почувствовала себя девятилетней девочкой. Ощущение не из приятных, но оно напомнило ей одну из основных причин, почему она собиралась уехать изТрули сразу же, как только огласят завещание Генри.

– На следующей неделе я отвезу тебя за покупками. Мы поедем в Буаз и проведем весь день в торговом центре. – Гвен улыбнулась с неподдельным удовольствием. – Теперь, когда ты снова дома, мы будем ездить по магазинам как минимум раз в месяц.

Вот оно. Гвен решила, что после смерти Генри Делейни переедет в Трули. Но Генри Шоу был не единственной причиной, по которой Делейни уехала за два штата от Айдахо.

– Мама, мне ничего не нужно.

Делейни доела завтрак. Она догадывалась, что если задержится в Трули хотя бы на несколько дней, то мать добьется, что она станет носить одежду от Лиз Клайборн и превратится в респектабельного члена Благотворительного общества. Все детство и юность Делейни носила одежду, которая ей не нравилась, только и делала, что угождала родителям. Она готова была расшибиться в лепешку, лишь бы окончить школу с отличием, и ни разу не задержала библиотечную книгу даже на день. Делейни росла как дочка мэра, а это означало, что она должна быть безупречна.

– Мне кажется, в этих босоножках неудобно, разве не так?

Делейни замотала головой и нарочно сменила тему:

– Расскажи мне про пожар.

Со времени приезда в Трули ей мало что удалось узнать о трагедии, унесшей жизнь Генри. Мать не хотела говорить на эту тему, но теперь, когда похороны состоялись, Делейни попыталась вытянуть из нее подробности.

Гвен вздохнула и взяла нож для масла, которым Делейни намазывала варенье. Она прошла к раковине, гулко цокая каблучками голубых лодочек на низких каблуках по красным плиткам пола.

– Я знаю не больше, чем в понедельник, когда позвонила тебе. – Гвен отложила нож и посмотрела в большое окно над раковиной. – Генри был в сарае, и сарай загорелся. Шериф Кроу сказал мне, что по их версии пожар начался от груды льняной ветоши, которую Генри оставил возле старого обогревателя.

Голос Гвен дрогнул.

Делейни подошла к матери и обняла за плечи. Она посмотрела в окно на задний двор, на эллинг, слегка покачивающийся на волнах, и задала вопрос, который давно хотела задать, но боялась произнести вслух.

– Ты не знаешь, он мучился?

– Не думаю. Но если и так, я не хочу об этом знать. Я не знаю, долго он прожил или Господь смилостивился и он умер еще до того, как до него добралось пламя. Я не спрашивала. Прошедшая неделя и без того была очень тяжелой. – Гвен помолчала и прочистила горло. – Мне нужно было очень многое сделать, и я не хотела об этом думать.

Делейни снова посмотрела на мать и впервые за очень долгое время ощутила внутреннюю связь с женщиной, которая дала ей жизнь. Они были очень разными, но в одном сходились: обе любили Генри Шоу, несмотря на все его недостатки.

– Я уверена, твои друзья поймут, если ты отменишь сегодняшнее собрание. Хочешь, я позвоню им от твоего имени?

Гвен повернулась к дочери и покачала головой:

– Лейни, у меня есть определенные обязанности. Я не могу откладывать все дела до бесконечности.

«До бесконечности»? После смерти Генри прошло меньше недели, а после похорон – меньше суток. Делейни убрала руку с плеча матери: ощущение внутренней связи с ней исчезло.

– Пойду немного пройдусь, – сказала она и, стараясь не показать своего разочарования, вышла через черный ход.

Пахло сосной, осины дрожали на легком ветерке, наполняя воздух шепотом листьев. Делейни глубоко вздохнула и направилась во внутренний дворик. Она шла и думала о том, что, пожалуй, лучше всего ее семью характеризует слово «разочарование». Они все старались поддерживать некую видимость, и в результате неизбежно разочаровывали друг друга. Делейни давно смирилась с мыслью, что ее мать – человек поверхностный, что ее куда больше заботит видимость, чем суть. Смирилась Делейни и с тем, что Генри одержим желанием контролировать все и вся. Когда она оправдывала его ожидания, то он казался прекрасным отцом. Генри уделял ей и время, и внимание, катал с друзьями на лодке, ходил с ними в походы. Но жизнь семьи Шоу регламентировалась выговорами и наградами, и Делейни всегда расстраивало, что все, в том числе и любовь, давалось не просто так, а за какие-то заслуги.

Делейни прошла мимо высокой сосны и подошла к вольеру для собак, устроенному на краю лужайки. Над дверью загона висели две латунные таблички с именами веймарских легавых: Дьюк и Долорес.

– Хорошие вы мои.

Делейни гладила через ячейки сетки их гладкие носы и говорила с ними, как с комнатными собачками. Она росла с предшественниками этой пары, Кларком и Кларой, и любила

собак, но сейчас она слишком часто переезжала с места на место, чтобы позволить себе завести хотя бы золотую рыбку, не говоря уже о ком-то более серьезном.

– Засиделись, бедняжки.

Она опустилась на одно колено, собаки стали лизать ее пальцы. Они выглядели ухоженными и, по всей вероятности – поскольку принадлежали Генри, – были хорошо выдрессированы. Большие глаза собак грустно смотрели на Делейни с длинных коричневых морд, молча умоляя выпустить их на свободу.

– Я знаю, каково вам, когда-то я тоже сидела здесь взаперти, – посочувствовала им Делейни.

Дьюк жалобно заскулил, и доброе сердце Делейни не выдержало.

– Хорошо, я вас выпущу, только не убегайте со двора.

Она открыла дверь. Дьюк и Долорес пулей вылетели из вольера, промчались мимо Делейни и устремились в лес. Делейни только и успела, что заметить их обрубленные хвосты.

– Черт! Назад!

Делейни хотела было оставить собак в покое в надежде, что, нагулявшись, они сами вернутся домой, но вспомнила, что меньше чем в миле от дома проходит скоростное шоссе.

Делейни бросилась в вольер, схватила кожаные поводки и побежала за собаками. Она не испытывала к этим собакам особой привязанности, однако не хотела, чтобы они погибли под колесами.

– Дьюк, Долорес! – Делейни бежала так быстро, как только ей позволяли ее босоножки на танкетке. – Пора обедать! Стейк! Киббл-энд-битс!

Делейни бежала в лес по старой тропинке, которую знала еще в детстве. Высокие сосны заслоняли солнце, кустарник хлестал по ногам. Делейни догнала собак возле старого домика на дереве, который когда-то давно построил для нее Генри. Но едва она попыталась взять собак за ошейники, как они снова бросились наутек.

– Молочные косточки! – воззвала Делейни, бросаясь вдогонку.

Она бежала мимо Слоновьего камня, через Гекльберри-Крик. Возможно, она бы уже отказалась от погони, но собаки все время оставались на расстоянии брошенного камня, словно дразня ее; казалось, еще немного, и она их догонит. Делейни пробежала под низко нависшими ветвями осины. Перелезая через ствол упавшего дерева, она расцарапала руки.

– Проклятие!

Она остановилась и осмотрела царапины. Дьюк и Долорес сели, виляя обрубками хвостов, и стали дожидаться, когда она закончит.

– Ко мне! – скомандовала Делейни.

Собаки опустили головы в знак покорности, но стоило Делейни сделать шаг, как они вскочили и снова отбежали от нее.

– Вернитесь!

Делейни уже хотела было бросить собак и вернуться, но потом вспомнила, что в доме проходит собрание Благотворительного общества. По сравнению с этим собранием погоня по лесу за собаками показалась ей вполне приятным времяпрепровождением.

Делейни поднялась на небольшой холм и остановилась под сосной, чтобы перевести дух. Она с удивлением увидела впереди открытое пространство, очищенное от деревьев и поделенное на сектора. Рядом с огромным грузовиком работали на холостом ходу бульдозер и автопогрузчик. Возле траншей, прорытых в земле, в нескольких местах светились неоновые оранжевые метки. Посреди всего этого хаоса рядом с черным джипом «Рэнглер» стоял Ник Аллегрецца, а у его ног сидели Дьюк и Долорес.

Сердце Делейни подпрыгнуло в груди. Вот уж с кем она надеялась больше не встретиться до своего отъезда. Именно с Ником был связан самый унизительный случай в ее

жизни. Первым желанием Делейни было повернуться и бежать отсюда тем же путем, каким она пришла, но она совладала с собой. Ник ее уже видел, и о том, чтобы сбежать, не могло быть и речи. Она сделала над собой усилие и стала медленно спускаться по склону.

Ник был одет так же, как вчера на похоронах Генри – белая футболка, потертые джинсы, золотая сережка, – но сегодня он побрился, а волосы собрал в хвост. Выглядел он так, что впору фотографировать для рекламы мужского нижнего белья.

– Привет, – сказала Делейни.

Ник не ответил. Он стоял, небрежно почесывая Дьюка между ушами, и смотрел на Делейни серыми глазами. У Делейни от страха заныло под ложечкой. Она остановилась в нескольких футах от Ника.

– Я выгуливала собак Генри.

Ник снова ответил ей молчанием и непроницаемым взглядом. Он был выше, чем ей помнилось, – Делейни едва доходила ему до плеча. И не только выше – его грудь была шире, мускулы больше. В прошлый раз, когда Делейни стояла вот так же близко, он перевернул всю ее жизнь, изменил ее навсегда. Когда-то она считала его рыцарем в сияющих доспехах, только не на белом коне, а на слегка обшарпанном «мустанге», но она ошибалась.

Всю жизнь Ник был для нее запретным плодом, и ее всегда тянуло к нему, как насекомое к лампе. Она была хорошей девочкой, мечтавшей о свободе, а ему оказалось достаточно всего лишь поманить ее пальцем да сказать три слова. Три провокационных слова, слетевших с губ «плохого парня». «Иди сюда, Дикарка» – только и всего, и вся ее душа откликнулась на его слова оглушительным «да». Можно было подумать, что он каким-то образом заглянул в самую глубину ее существа, за внешний фасад. И разглядел настоящую Делейни. Ей тогда было восемнадцать, и она была ужасно наивна. Ей никогда не позволяли расправить крылья, вздохнуть свободно, а Ник был подобен глотку чистого воздуха, который опьянил ее с первого вдоха, ударил в голову. Но она за это поплатилась.

– Они не такие послушные, как Кларк и Клара, – продолжала Делейни, не желая пугаться его молчания.

Когда Ник наконец заговорил, он сказал совсем не то, что Делейни ожидала услышать:

– Что ты сделала со своими волосами?

Делейни дотронулась до мягких рыжих кудряшек.

– А что, мне нравится.

– Блондинкой ты выглядела лучше.

Делейни уронила руку и перевела взгляд на собак, сидящих у ног Ника.

– Я твоего мнения не спрашивала.

– Тебе надо подать в суд на парикмахера.

Делейни действительно нравились ее волосы, но даже если бы это было не так, не могла же она подать в суд на себя.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она, наклоняясь, чтобы взять Дьюка за ошейник. – Разбойничаешь?

– Нет. – Ник качнулся на пятках. – Я никогда не бесчинствую по воскресеньям, так что ты в безопасности.

Делейни посмотрела ему в глаза.

– А на похоронах, значит, можно?

Ник нахмурился.

– О чем это ты?

– О той вчерашней блондинке. На похоронах Генри ты вел себя как в баре, где снимают девчонок. Это выглядело неуважительно и бестактно. Даже для тебя, Ник.

Хмурые складки на лбу Ника разгладились, на губах появилась ухмылочка.

– Ревнуешь?

– Не обольщайся.

– Хочешь знать подробности?

Делейни закатила глаза.

– Умоляю, избавь меня от деталей.

– Уверена? А история весьма пикантная.

– Ничего, я без нее обойдусь.

Делейни заправила прядь волос за ухо и потянулась к ошейнику Долорес. Но до того как она успела взяться за ошейник, Ник схватил ее за запястье.

– Это еще что такое?

Ее маленькая рука утонула в его большой. Ладонь у Ника была теплая и мозолистая. Он потрогал большим пальцем царапину на ладони Делейни. Она вдруг почувствовала странное покалывание, которое началось на кончиках пальцев и прошло по всей руке.

– Ничего особенного. – Она отдернула руку. – Поцарапалась, когда перелезала через упавшее дерево.

Ник посмотрел ей в глаза.

– Ты перелезала через бревно в этих туфлях?

Во второй раз за последние полчаса любимые туфли Делейни подверглись нападкам.

– Нормальные туфли.

– Ну да, нормальные – для любителей ремней и цепей. – Ник не спеша прошелся взглядом вниз и вверх по ее фигуре. – А ты из них?

– Размечтался, – Делейни снова протянула руку к Долорес и на этот раз успешно пристегнула поводок к ошейнику. – Плетки и цепи не вписываются в мои представления об удовольствии.

– Какая жалость! – Ник скрестил руки на груди и прислонился к крылу джипа. – Единственной в Трули, кого – пусть и с натяжкой – можно было записать в эту категорию, была Уэнди Уэстон, чемпионка штата 1990 года по родео.

– Неужели ты можешь позволить двум женщинам шлепать тебя по заду?

Ник усмехнулся.

– Ты могла бы дать ей незаметно ускользнуть. Ты красивее Уэнди, да и туфли у тебя подходящие.

– Ну и ну. Спасибо. Жать, что я завтра уезжаю.

Казалось, Ника ее ответ немного удивил.

– Ненадолго же ты приехала.

Делейни пожала плечами и потянула за поводки.

– Я не собиралась задерживаться надолго.

Думая о том, что она, вероятно, никогда больше не увидит Ника, Делейни позволила себе задержать взгляд на его смуглом чувственном лице. Ник был слишком красив для такого человека, каким он был, но, возможно, он все-таки не такой плохой, каким она его запомнила. Славным парнем его, конечно, не назовешь, но по крайней мере он не стал напоминать Делейни о той ночи, когда она сидела на капоте его «мустанга». Прошло десять лет; может быть, он за это время стал менее ожесточенным.

– До свидания, Ник.

Делейни сделала шаг назад.

Он шутливо отсалютовал, коснувшись двумя пальцами виска. Делейни повернулась и пошла обратно той же дорогой, какой пришла, ведя за собой упирающихся собак.

На вершине холма она в последний раз оглянулась. Ник стоял на прежнем месте возле своего джипа, скрестив руки на груди, и наблюдал за ней. Делейни вошла в лес, под колеблющиеся тени деревьев. Она вдруг вспомнила про блондинку, которую Ник снял на похо-

ронах. Возможно, он и стал менее ожесточенным, но она готова была поспорить, что в его жилах течет не кровь, а чистый тестостерон.

Дьюк и Долорес натягивали поводки, Делейни пришлось взяться за них покрепче. Она думала о Генри, о том, что же все-таки он ей завещал, и снова гадала, включил ли он в свое завещание Ника. Она не знала, пытались ли они вообще когда-нибудь помириться. Ненадолго предположив, что Генри завещал ей деньги, Делейни попыталась представить себе, как бы она их потратила. Прежде всего, конечно, расплатилась бы за машину. Потом купила бы пару туфель в дорогом магазине вроде «Бергдорф Гудман». У нее никогда не было туфель стоимостью восемьсот долларов за пару, а ей бы очень хотелось такие иметь.

А вдруг Генри оставил ей огромную кучу денег?

Тогда она открыла бы собственный салон. Точно. Современный салон, кругом мрамор, зеркала, нержавеющая сталь. Делейни уже давно мечтала о собственном деле, но на ее пути стояли два препятствия. Во-первых, она не нашла города, в котором бы ей хотелось прожить дольше, чем пару лет. А во-вторых, у нее не было начального капитала или обеспечения, под которое можно было бы взять кредит.

Делейни остановилась перед поваленным деревом, через которое перелезала, когда гналась за собаками. Дьюк и Долорес решили было подлезть под стволом, но она натянула поводки и повела их в обход. Ее испачканные землей босоножки скользили на камнях. Пока Делейни пробиралась через поросль жимолости, в голову ей лезли мысли о разных жуках и кровососах, укус которых может вызвать лихорадку, но она постаралась переключиться на мысли о чем-то более приятном – например о собственном салоне красоты. Начать можно с пяти парикмахерских кресел – наконец-то стилисты будут арендовать место у нее, а не она у кого-то. Делейни терпеть не могла делать маникюр и педикюр, поэтому для этой работы придется кого-нибудь нанять. А сама она займется тем, что ей нравится: будет стричь волосы, делать укладки, подавать клиентам кофе. Для начала она будет брать за стрижку и сушку феном семьдесят пять долларов. Вполне божеская цена за такие услуги. Когда же у нее появится круг постоянных клиентов, цену можно будет постепенно увеличивать.

Слава Богу, в Америке действуют законы свободного рынка – каждый имеет права выставлять такую цену, какую хочет. Мысли Делейни снова вернулись к Генри и его завещанию. Как ни хотелось ей иметь собственный салон, она очень сомневалась, что Генри завещал ей деньги. Скорее он оставил ей что-нибудь такое, что, как он думал, ей не понравится.

Делейни перешла Гекльберри-Крик, тщательно выбирая, куда поставить ногу. Тем временем собаки прыгали по ручью, обдавая ее холодными брызгами. Вероятно, Генри завещал ей какой-нибудь «сюрприз», нечто такое, что долго будет доставлять ей мучения. Например, что-нибудь вроде этих несносных собак.

Центр Трули мог похвастаться двумя бакалейными магазинами, тремя ресторанами, четырьмя барами и одним недавно установленным светофором. Ресторан для автомобилистов пять лет простоял закрытым из-за отсутствия посетителей, а один из двух имеющихся в городе салонов красоты – салон «Глория» – закрылся месяц назад ввиду неожиданной кончины Глории. Крупная женщина весом в три сотни фунтов умерла от сердечного приступа, когда делала укладку миссис Хиллард. Из-за этого бедной миссис Хиллард до сих пор снятся кошмары.

Старое здание суда стояло рядом с полицейским участком и конторой лесничества. За души прихожан боролись три церкви: мормонов, католическая и второго пришествия Христа. Рядом со зданием, в котором располагались и начальная школа, и средняя, построили новую больницу. Однако самое солидное предприятие в городе – бар Морта – располагалось в старой части города, на Мэйн-стрит, между скобяной лавкой и рестораном «Панда».

Бар Морта был не просто местом, где можно было напиться. Это было особое заведение. Бар славился не только пивом, но и коллекцией оленьих рогов. Рога разных видов

оленей, лосей украшали стену над баром, а их, в свою очередь, украшали женские трусики. Бикини, стринги, танга всех цветов и фасонов, подписанные пьяными дарительницами. Несколько лет назад хозяин бара повесил рядом с лосиными рогами рога антилопы, но ни одна уважающая себя женщина, ни в трезвом уме, ни по пьяни, не пожелала, чтобы ее трусики свисали с рогов этого недоразумения. Поэтому эту голову скоро убрали в бильярдную комнату.

Делейни никогда не была в баре Морта, десять лет назад она была слишком мала для этого. И вот теперь, сидя в кабинке в глубине зала и потягивая «Маргариту», она с интересом разглядывала заведение. Если не считать стены над баром, все здесь было так же, как и в сотнях других баров в сотне других маленьких городков: приглушенное освещение, несмолкающая музыка из музыкального автомата, запах табака и пива, прочно пропитавший все кругом. Сюда не наряжались, и Делейни в джинсах и футболке чувствовала себя вполне непринужденно.

– А ты когда-нибудь жертвовала свои трусы? – спросила она Лайзу.

Старые подруги сидели друг против друга в голубой виниловой кабинке. Хватило нескольких минут, чтобы они разговорились и почувствовали себя так, будто и не расставались вовсе.

– Не помню такого.

Зеленые глаза Лайзы искрились смехом. Когда-то давно, еще в четвертом классе, Делейни привлекла в Лайзе именно легкость, с которой та могла рассмеяться. Лайза была удивительно беззаботной, свои темные волосы она носила собранными в тощий хвостик; Делейни держалась более скованно, ее светлые волосы были всегда идеально завиты. Душа Лайзы была свободна, душа Делейни рвалась на свободу. Они любили одну и ту же музыку, одни и те же фильмы и во многом словно дополняли друг друга.

Окончив среднюю школу, Лайза выучилась на дизайнера интерьеров, получила диплом. Она восемь лет прожила в Буазе, работая в дизайнерской фирме, где выполняла важную работу, но все заслуги доставались другим. Два года назад Лайза уволилась и вернулась в Трули. Благодаря компьютерам и Интернету теперь она весьма активно работала дизайнером, не выходя из дома.

Делейни посмотрела в хорошенькое лицо подруги. Сейчас, как и раньше, волосы Лайзы были схвачены в хвостик. Лайза была умной и привлекательной, но волосы все-таки были лучше у Делейни. Если бы Делейни задержалась в городе подольше, она бы занялась ее прической – подстригла бы волосы так, чтобы подчеркнуть красивые глаза, ну и, может быть, осветлила бы несколько прядей возле лица.

– Твоя мать сказала, что ты художник по макияжу в Скоттсдейле и что среди твоих клиентов есть знаменитости.

Делейни не удивляло, что мать попыталась приукрасить действительность. Гвен ненавидела работу дочери, возможно, потому, что она напоминала ей о жизни до Генри – жизни, о которой Делейни не разрешалось говорить, жизни, в которой Гвен делала прически танцовщицам в Лас-Вегасе. Но Делейни была совсем иной, чем ее мать. Ей нравилось работать в салоне. У нее ушло несколько лет на то, чтобы найти свою нишу. Ей нравился и запах, и собственные ощущения от использования средств «Пол Митчелл», нравилось получать благодарности от довольных клиентов. Важно было и то, что она стала настоящим мастером своего дела.

– Я работаю в Скоттсдейле, но живу в Финиксе. – Делейни слизнула соль с верхней губы. – Мне нравится моя работа, хотя мама ее стыдится. Можно подумать, я проститутка. Я не делаю макияж актерам, но однажды мне действительно довелось подстригать Эда Макмаона.

– Так ты парикмахер? – Лайза рассмеялась. – Это здорово. Хелен Маркем держит салон на Файервид-лейн.

– Ты шутишь? Я вчера видела Хелен, ее волосы выглядят просто ужасно.

– Я же не сказала, что она профессионал.

– А я профессионал.

Наконец-то Делейни нашла что-то, в чем она оказалась намного лучше своей старой соперницы.

Подошла официантка и поставила на стол еще две «Маргариты».

– Это вон от того джентльмена. – Официантка махнула рукой в сторону бара.

Делейни взглянула на мужчину и узнала в нем одного из друзей Генри.

– Поблагодарите его от нас, – сказала она.

С того времени как Делейни вошла в бар, сама она еще не купила ни одного напитка. Мужчины, чьи лица она лишь смутно помнила, один за другим присылали на ее столик выпивку. Делейни пила уже третью порцию и понимала, что так недолго и напиться, если не последить за собой.

– Помнишь, ты застукала Хелен и Томми, когда они занимались этим делом на заднем сиденье машины его матери? – спросила Лайза. Было видно, что она уже немного опьянела.

– Конечно, помню. Он мне сказал, что собирается с друзьями в кафе для автомобилистов. – Делейни допила стакан и потянулась за третьим. – Я решила сделать ему сюрприз. И сделала.

Лайза рассмеялась и тоже допила коктейль.

– Смешно получилось.

– Тогда мне было не до смеха. Самым противным было то, что моего первого парня увела именно Хелен Шнупп.

– Да, но, как выяснилось, она оказала тебе услугу. Томми – жуткий лоботряс. Он работает ровно столько, чтобы иметь право на пособие по безработице. У него двое детей, а семью в основном содержит Хелен.

– Как он выглядит? – Делейни решила перейти к более важным для нее вещам.

– По-прежнему симпатичный.

– Черт! – Делейни надеялась услышать как минимум, что он полысел. – А его друг? Помнишь, тот парень, который вечно ходил в бейсбольной кепке? Ты еще была в него по уши влюблена.

Лайза нахмурилась.

– Джим Башихэд.

Делейни щелкнула пальцами.

– Точно! Ты с ним некоторое время встречалась, а потом он тебя бросил ради той девчонки с усами и большими сиськами; не помню, как ее звали.

– Тина Уберанга. Она наполовину итальянка, наполовину из басков… бедняжка.

– Я помню, ты была в него безумно влюблена и после того, как он тебя бросил.

– Нет, не была.

– Была, была. Помню, мы по пять раз на дню ездили к его дому.

– Ничего подобного.

На столе появились еще два коктейля, присланные кем-то из друзей Генри. Делейни помахала рукой в знак благодарности и повернулась к подруге. Они продолжали предаваться воспоминаниям под бесплатную «Маргариту», которая лилась рекой. В половине десятого Делейни посмотрела на часы. Она уже потеряла счет выпитым коктейлям и порядком отсидела, себе зад.

– Небось вТрули нет такси.

Делейни прикинула, что если остановиться прямо сейчас, то за те три часа, что оставались до закрытия бара, она успеет протрезветь и сможет сесть за руль.

– Не-а. Но у нас наконец-то появилась заправка с мини – маркетом. Правда, она закрывается в одиннадцать. – Лайза показала на Делейни пальцем. – Ты даже не представляешь, как тебе повезло жить в городе, где можно запросто купить буррито в два часа ночи.

– Ты очень опьянела?

Лайза наклонилась к Делейни и призналась:

– Да, и знаешь, что еще? Я выхожу замуж.

– Что-о?! – Делейни поперхнулась коктейлем. – Ты выходишь замуж и до сих пор об этом молчала?

– Ну, вообще-то мы пока никому не рассказываем. Он хочет прежде поговорить с дочерью, а дочь сейчас с матерью в Вашингтоне.

– И кто этот счастливчик?

Лайза посмотрела Делейни в глаза и сказала:

– Луи Аллегрецца.

Делейни оторопело заморгала и расхохоталась:

– Хорошая шутка!

– Я серьезно.

Делейни продолжала смеяться, мотая головой:

– Сумасшедший Луи! Не может быть, ты шутишь!

– Нет, не шучу. Мы встречаемся уже восемь месяцев. На прошлой неделе он сделал мне предложение. Конечно, я ответила «да». Мы поженимся пятнадцатого ноября.

– Брат Ника? – Делейни перестала смеяться. – Так это действительно серьезно?

– Очень. Но мы пока ничего не афишируем, Луи хочет сначала поговорить с Софи.

– Софи?

– Это его дочь от первого брака. Ей тринадцать лет, и она настоящая папина дочка. Луи считает, что если он скажет ей, когда она вернется, то у девочки будет еще полгода, чтобы привыкнуть к этой мысли.

– Сумасшедший Луи, – повторила Делейни, ошеломленная. – Неужели он не угодил в тюрьму?

– Нет. Да он давно уже не совершает никаких безумств. – Лайза помолчала и покачала головой: – И вообще, не такой уж он был сумасшедший.

Делейни засомневалась, все ли в порядке у Лайзы с головой и не страдает ли она потерей памяти.

– Лайза, он еще в пятом классе угнал машину.

– Нет. Это мы были в пятом классе, а он был в девятом. И уж если говорить правду, он как раз ехал, чтобы вернуть машину владельцу, когда налетел на бордюр и возле аптеки его засекли. – Лайза пожала плечами. – Он и вообще бы не попался, если бы не вильнул, чтобы не задавить Баки, собаку Ольсенов.

Делейни быстро заморгала, пытаясь прояснить мысли.

– Так ты обвиняешь Баки?

– Этот пес вечно бегал где хотел.

В Трули все собаки бегают где хотят.

– Мне просто не верится, что ты обвиняешь беднягу Баки. Похоже, ты действительно влюбилась.

Лайза улыбнулась:

– Конечно. А тебе доводилось влюбляться так сильно, что, кажется, хочешь забраться любимому человеку под кожу и там оставаться?

– Несколько раз, – призналась Делейни. Она немного завидовала подруге. – Но через какое-то время это проходило.

– Жалко, что ты живешь так далеко, а то я бы пригласила тебя на свадьбу. Помнишь, как мы собирались быть подружками невесты друг у друга?

– Да, – вздохнула Делейни. – Я собиралась замуж за Джона Крайера, а ты – за Эндрю Маккарти.

– «Красотка в розовом». – Лайза тоже вздохнула. – Классный был фильм. Сколько раз мы с тобой плакали, когда Эндрю Маккарти бросал Молли Рингуолд потому, что она происходила из низов!

– Раз сто, не меньше. А помнишь, как…

Закончить Делейни не удалось: ее прервал голос бармена.

– Последний заказ! – объявил он. Делейни посмотрела на часы.

– Последний? Но еще нет даже десяти!

– Сегодня воскресенье, – напомнила Лайза. – По воскресеньям бар закрывается в десять.

Делейни запаниковала.

– Как же мы доберемся до дома? Мы обе слишком много выпили, чтобы садиться за руль.

– За мной заедет Луи. Он и тебя может подвезти.

Делейни представила выражение лица матери, когда та выглянет в окно и увидит, что по ее подъездной дороге катит сумасшедший Луи Аллегрецца. Эта мысль вызвала у Делейни улыбку, но она вспомнила о количестве выпитых порций «Маргариты».

– Если ты думаешь, что он согласится…

Но пять минут спустя в бар с хозяйским видом вошел вовсе не Луи. В бар вошел Ник. Он накинул поверх футболки клетчатую фланелевую рубашку, оставив пуговицы расстегнутыми, и полы рубашки свободно болтались на уровне бедер. Делейни приросла к стулу. Трезвая или пьяная, она не была готова встретиться лицом к лицу с Ником. Во время их сегодняшней встречи он ни словом не упомянул об их прошлом, но Делейни не могла поручиться, что он не сделает этого когда-нибудь еще.

– Ник! – закричала Лайза, махая ему. – А где Луи?

Ник посмотрел на Лайзу, потом перевел взгляд на Делейни. Он шел к их столику, не сводя с нее глаз.

– Ему позвонила Софи, она была чем-то расстроена. – Ник остановился возле их столика. Помолчав, он снова перевел взгляд на будущую невестку. – Луи попросил меня за тобой заехать.

Лайза поднялась.

– Ты можешь подвезти Делейни до дома?

– Не беспокойтесь, – поспешно сказала Делейни. Она схватила сумочку и быстро встала. – Я сама доберусь.

Зал покачнулся, и Делейни оперлась о стену, чтобы не упасть.

– Не такая уж я пьяная.

Губы Ника сложились в усмешку.

– Ты вообще никакая.

– Я просто слишком резко встала!

Делейни стала искать в сумочке двадцатипятицентовую монету – ей нужно было позвонить матери. Она не жаждала звонить, но если мать пришла бы в ужас при виде Луи, то появление Ника ее вообще с ума сведет.

– Ты не можешь вести машину! – настаивала Лайза.

– Я и не… Эй! – закричала Делейни вслед удаляющейся спине Ника.

Он уходил с ее сумочкой! Любой другой мужчина выглядел бы нелепо с дамской сумочкой, но не Ник. Делейни и Лайза последовали за ним. На улице было совсем темно. Делейни надеялась, что мать уже легла спать.

– Черт, как холодно! – пробурчала она.

Холодный воздух предгорья, казалось, проникал во все поры. Делейни обняла себя за плечи и почти бегом побежала по тротуару, чтобы догнать Ника, который ушел уже довольно далеко. Делейни отвыкла от летних ночей в горах Айдахо. В Финиксе к ночи температура тоже снижалась, но далеко не так сильно. Делейни уже с нетерпением ждала, когда уедет отсюда.

– Не так уж сейчас и холодно, – возразила Лайза. Они прошли мимо желтой «миаты» Делейни, стоящей возле тротуара. – Просто ты стала неженкой.

– Ты еще большая неженка, чем я! И всегда была. Помнишь, как в шестом классе ты упала на физкультуре с брусьев и потом ревела целых три часа?

– Я ушибла копчик.

Они остановились возле черного джипа Ника.

– Тебе было не так уж больно, – сказала Делейни. – Просто ты была ужасной неженкой.

– По крайней мере я в старших классах не плакала как маленькая, когда на уроке нужно было препарировать лягушку.

– Мне в волосы попали ее кишки, – стала оправдываться Делейни. – Если в волосы попадут лягушачьи кишки, кто угодно расплачется.

– Иисус, Иосиф и Мария! – Ник вздохнул, как утомленный священник. – За что мне такое наказание, что я сделал?

– Уж наверное, что-то очень грешное, – сказала Лайза. Она откинула спинку переднего сиденья и забралась на заднее.

Ник усмехнулся. Потом вернул спинку в вертикальное положение и как джентльмен придержал дверцу перед Делейни. Делейни понимала, что она пьяна и не может судить здраво, но у нее возникла мысль, что, возможно. Ник изменился к лучшему. Она посмотрела на него. Ник стоял так, что свет фонаря освещал только нижнюю половину его лица. Делейни прекрасно знала, что при желании он может очаровать кого угодно, да она и сама могла припомнить моменты, когда он был с ней необычайно мил. Например, когда она училась в шестом классе, был такой случай. Она вышла из супермаркета и обнаружила, что на ее велосипеде спущена шина. Ник вызвался помочь и толкал ее велосипед до самого дома.

Он угостил Делейни конфетой, а она поделилась с ним жвачкой. Возможно, он действительно изменился и превратился в хорошего парня.

– Спасибо, что согласился подвезти, Ник.

А может – и это было бы лучше всего, – он забыл про самую худшую ночь в жизни Делейни. Забыл, как она бросилась ему на шею.

– Всегда пожалуйста. – Чувственные губы Ника сложились в усмешку. Он протянул Делейни сумочку. – Дикарка.

Глава 3

Делейни застегнула молнию на дорожной сумке и в последний раз оглядела спальню. С тех пор как она ушла отсюда десять лет назад, ничего не изменилось. Те же розовые обои, тот же кружевной полог над кроватью, ее диски лежат на том же месте, где она их оставила. Даже моментальные фотографии, вставленные за рамку зеркала над туалетным столиком, остались на месте. Ее вещи ждали ее, но почему-то осознание этого не успокаивало, а угнетало. Стены словно смыкались вокруг нее, и Делейни хотелось вырваться.

Теперь ей оставалось только выслушать завещание, ну и, конечно, сказать о своем отъезде матери. Гвен изо всех сил будет стараться вызвать у нее чувство вины, и Делейни не ждала ничего хорошего от этого разговора.

Она вышла из своей спальни и спустилась на первый этаж, где располагался кабинет Генри и где должно было состояться оглашение завещания. Для удобства Делейни надела платье-футболку без рукавов из мягкого голубого хлопка. На ногах у нее были шлепанцы на платформе, которые легко можно было сбросить во время дальней поездки в машине, которая ей предстояла.

У входа в кабинет старый друг Генри, Фрэнк Стюарт, приветствовал Делейни так, словно он был привратником в «Ритц-Карлтон».

– Доброе утро, мисс Шоу.

За массивным письменным столом Генри сидел Макс Харрисон, адвокат Генри. Он посмотрел на Делейни, она кивнула и обменялась с ним несколькими словами, прежде чем сесть рядом с матерью в первом ряду. Рядом с ней одно кресло пустовало.

– Кого не хватает? – спросила Делейни.

– Ника. – Гвен вздохнула, перебирая тройную нитку жемчуга на шее. – Хотя я не понимаю, почему Генри упомянул его в завещании. За последние годы он несколько раз пытался с ним помириться, но Ник отвергал каждую попытку отца.

Значит, Генри пытался помириться. Делейни это не очень удивило. Она давно поняла, что, поскольку у Генри нет законных наследников, он рано или поздно обратит взор к сыну, которого до сих пор игнорировал.

Не прошло и минуты, как в кабинет вошел Ник. В черных вельветовых брюках и шелковой рубашке-поло под цвет глаз он выглядел почти респектабельно. В отличие от дня похорон сегодня он оделся соответственно случаю. Волосы он зачесал назад и даже серьгу оставил дома. Ник оглядел комнату и сел в кресло рядом с Делейни. Она покосилась на него краем глаза, но он смотрел прямо перед собой, расставив ноги и положив руки на бедра. Делейни почувствовала чистый запах его лосьона после бритья. После того как вчера вечером он назвал ее Дикаркой, она с ним больше не разговаривала, однако всю дорогу до дома матери Делейни чувствовала то самое унижение, которое, как ей казалось, она уже давно в себе преодолела. И теперь у нее не было намерения разговаривать с этим типом.

– Благодарю вас всех за то, что пришли, – начал Макс. Делейни переключила внимание на адвоката. – Чтобы сэкономить время, попрошу вас всех воздержаться от вопросов до тех пор, пока я не закончу. – Он кхекнул, поправил лежащие перед ним бумаги и начал ровным голосом адвоката: – «Я, Генри Шоу, в настоящее время проживающий в Трули, округ Вэлли, штат Айдахо, объявляю настоящим свою последнюю волю. Данное завещание отменяет все предыдущие завещания и дополнительные пункты, которые я составлял до этого.

Параграф первый. Я назначаю моего надежного друга Фрэнка Стюарта исполнителем настоящего завещания. Я прощу, чтобы в этом качестве для исполнения какого бы то ни было поручительства поданному официальному обязательству не привлекался никакой другой исполнитель или наследник…»

Пока Макс зачитывал раздел завещания, касающийся обязанностей исполнителя, Делейни смотрела мимо него и слушала вполуха. Обязанности исполнителя ее не интересовали, ее ум занимали более важные вопросы – как, например, то, что по одну сторону от нее сидела мать, а по другую – Ник. Они друг друга терпеть не могли, и напряжение в кабинете было почти осязаемым.

Ник положил руки на подлокотники кресла и задел плечом Делейни. Ткань его рубашки ненадолго коснулась ее обнаженной кожи. Делейни постаралась сидеть неподвижно, как будто ничего и не было, словно она и не почувствовала прикосновения гладкой ткани к своей коже.

Макс перешел к разделу завещания, касающемуся обеспечения людей, долгое время работавших на Генри. Затем адвокат сделал паузу, и Делейни снова перевела взгляд на него. Макс аккуратно отложил прочитанную страницу в сторону и продолжил:

– «Параграф третий.

Пункт А. Я завещаю половину моего материального имущества и половину недвижимости, относительно которых сделано иных распоряжений, приведенных ниже, вместе с действующими страховыми полисами, моей жене, Гвен Шоу. Гвен была мне прекрасной женой, и я глубоко любил ее.

Пункт В. Моей дочери, Делейни Шоу, я завещаю остальное материальное имущество и остальную недвижимость, относительно которых не сделано иных распоряжений, приведенных ниже, при условии, что в течение года она будет оставаться строго в пределах Трули, штат Айдахо, чтобы присматривать за своей матерью. Отсчет года начинается с момента оглашения данного завещания. В случае, если Делейни откажется подчиниться условиям этого завещания, упомянутая собственность отходит к моему сыну, Нику Аллегрецце».

– Что это значит? – перебила Делейни.

Если бы не мать, схватившая ее за руку, она бы вскочила с места. Макс взглянул на Делейни и снова обратился к завещанию:

– «Пункт С. Моему сыну, Нику Аллегрецце, я завещаю участки земли, известные как Энджел-Бич и Силвер-Крик, которыми он может распоряжаться по своему желанию при условии, что в течение года воздержится от вступления в сексуальные отношения с Делейни Шоу. В случае если Ник откажется или нарушит это условие, вышеупомянутая собственность переходит к Делейни Шоу».

Делейни оцепенела. У нее было такое чувство, будто ее оглушили электрошокером. Лицо ее горело, а сердце как будто остановилось. Макс говорил еще некоторое время, но Делейни была так ошеломлена, что больше ничего не слышала. Для одного раза на нее свалилось слишком много информации, и она даже толком не поняла большую часть того, что услышала. Кроме фразы о том, что Нику запрещается вступать в сексуальные отношения с ней. Для обоих фраза была равносильна пощечине. Или напоминанию о том, как однажды Ник использовал ее, чтобы добраться до Генри, а она еще умоляла его это сделать. Даже после смерти Генри не перестал ее наказывать. Делейни была готова умереть от унижения. О том, что думает Ник, она могла только гадать – ей не хватало смелости посмотреть на него.

Адвокат закончил оглашение и поднял взгляд от бумаг. Несколько долгих мгновений никто не произносил ни звука, в кабинете повисло гнетущее молчание. Наконец Гвен произнесла вслух то, о чем думали все.

– Это завещание законное и обязательное?

– Да, – ответил Макс.

– Значит, я получаю половину имущества безо всяких условий, а Делейни, для того чтобы получить наследство, должна один год провести в Трули?

– Совершенно верно.

Делейни фыркнула.

– Но это же нелепо! – Она изо всех сил старалась вообще забыть о существовании Ника и сосредоточиться на собственном наследстве. – Мы живем в девяностые годы двадцатого века, Генри не может строить из себя Господа Бога. Не может быть, чтобы это требование было законным.

– Уверяю вас, оно законно. Для того чтобы получить свою долю наследства, вы должны согласиться с условиями, отраженными в завещании.

– Ладно, забудьте. – Делейни встала. Ее вещи были уже упакованы, и она не собиралась позволять Генри даже с того света управлять ее жизнью. – Я отказываюсь от своей доли в пользу матери.

– Вы не можете этого сделать. Этот пункт завещания с условием: вы получаете свою долю недвижимости, только если проживете в Трули в течение одного года. До окончания этого периода недвижимость находится в управлении доверительного фонда. Если говорить коротко, вы не можете отдать матери то, что вам не принадлежит. А если вы не принимаете условия завещания, то ваша доля недвижимости отходит к Нику, а не к Гвен.

Делейни понимала, что, если она так поступит, мать ее убьет, но ей было все равно. Она не собиралась продавать душу ради того, чтобы избавить мать от общества Ника. Близкая к отчаянию, она спросила:

– А если я оспорю завещание?

– Вы не можете оспорить завещание только на том основании, что вам не нравятся его условия. У вас должны быть на то веские причины – например подлог или умственная недееспособность завещателя.

– Вот-вот. – Делейни подняла руки ладонями вверх. – Генри явно был не в своем уме.

– Боюсь, что у суда будет другая точка зрения. Вряд ли может быть доказано, что завещание незаконно или противоречит общественной политике. Я могу согласиться, что завещание можно считать эксцентричным, но требованиям закона оно не противоречит. Суть в том, Делейни, что ваша доля недвижимости оценивается в три миллиона долларов. То есть завещание Генри делает вас очень богатой молодой женщиной. От вас только требуется прожить в Трули в течение одного года, и ни один суд не сочтет это условие невыполнимым. Вы можете принять условие или отказаться. Все просто.

Делейни снова села и откинулась на спинку. У нее даже дух захватило. Три миллиона долларов. А она-то думала, что речь идет о нескольких тысячах.

– Если вы согласны с условиями, – продолжал Макс, – то вам будет назначено подобающее месячное содержание.

– Когда Генри составил это завещание? – спросила Гвен.

– Два месяца назад.

Гвен кивнула, как будто это ей все объяснило, но Делейни ничего не было ясно.

– Ник, у вас есть вопросы? – спросил Макс.

– Есть. Один половой акт считается сексуальными отношениями?

– Боже правый! – ахнула Гвен.

Делейни сжала кулаки и посмотрела на Ника. В его серых глазах горела ярость, от злости он сжал губы. Это Делейни вполне устраивало, потому что она тоже была в ярости. Они воззрились друг на друга как два кулачных бойца перед схваткой. Затем Делейни вскинула голову и посмотрела на Ника как на грязь, которую ей хотелось поскорее соскоблить с подошв.

– Ты… дьявол.

– А как насчет орального секса? – спросил Ник, не сводя взгляда с Делейни.

– Э… Ник… – напряженную тишину нарушил Макс. – Не думаю, что нам стоит…

– А я думаю, стоит, – перебил Ник. – Генри этот вопрос явно заботил. Настолько, что он даже включил его в свое завещание. – Он перевел суровый взгляд на адвоката. – Я считаю, мы должны четко знать правила, чтобы избежать недоразумений.

– Мне и так все ясно, – заявила Делейни. Ник продолжал, как будто не слышал ее:

– К примеру, я никогда не считал стоянку на одну ночь сексуальными отношениями. Два обнаженных тела всего лишь трутся друг о друга, потеют и получают удовольствие. Утром просыпаешься один. Никаких обещаний, которые ты и не собирался выполнять. Никаких обязательств. И никто не смотрит друг на друга за завтраком. Просто секс.

Макс прочистил горло.

– Полагаю, Генри имел в виду полное отсутствие сексуальных контактов.

– А каким образом это кому-то станет известно?

– Все очень просто. – Делейни свирепо посмотрела на Ника. – Я не собираюсь заниматься с тобой сексом даже под страхом смерти.

Ник взглянул на нее и скептически поднял бровь.

– Что ж, – сказал Макс, – следить за тем, чтобы условия завещания соблюдались, – обязанность Фрэнка Стюарта, исполнителя.

Ник посмотрел на исполнителя, который стоял у стены.

– Фрэнк, ты будешь за мной шпионить? Подглядывать в окна?

– Нет, Ник. Если ты согласишься выполнить условия завещания, я поверю тебе на слово.

– Ну не знаю, Фрэнк. – Ник снова повернулся к Делейни. Он задержал взгляд на ее губах, потом перевел его ниже, на грудь. – Делейни довольно сексуальная, вдруг я не смогу совладать с собой?

– Прекрати немедленно! – Гвен встала и направила на Ника палец. – Будь Генри здесь, ты бы себя так не вел! Ты бы держался более уважительно.

Ник встал и посмотрел на Гвен.

– Будь Генри здесь, я бы ему показал.

– Он был твоим отцом!

Ник фыркнул.

– Он был донором спермы, не более того! – Ник направился к двери, там остановился и бросил последнюю реплику. – Очень плохо для нас для всех, что он оказался стрелком одного выстрела.

И Ник ушел, оставив всех в ошеломленном молчании. Через некоторое время хлопнула дверь парадного входа.

– Как это похоже на Ника – испортить всем настроение, – сказала Гвен. – Генри пытался наладить с ним отношения, но Ник всякий раз его отталкивал. Думаю, дело в том, что он всегда ревновал к Делейни. И его сегодняшнее поведение лишний раз это доказывает, не правда ли?

У Делейни разболелась голова.

– Я не знаю. – Она приложила ладони к щекам, голова гудела. – Я никогда не знала, почему Ник делает то, что он делает.

Ник всегда, даже когда они были детьми, был для Делейни загадкой. Он был непредсказуем, и она даже не пыталась сделать вид, что понимает, почему он ведет себя так, а не иначе. То он вел себя так, будто с трудом выносил ее присутствие в городе, а на следующий день мог сказать ей что-нибудь приятное или одернуть в школе мальчишек, которые ее дразнили. Но едва она начинала думать, что он в общем-то неплохой парень, как он снова ее огорошивал, да так, что она могла только ахнуть. Как, например, сегодня. Или как тогда, когда он залепил ей в лоб снежком. Делейни тогда училась в третьем классе. Она стояла во дворе школы и ждала, когда за ней заедет мать. Стояла в сторонке и смотрела, как Ник с компанией

мальчишек строят возле флагштока снежную крепость. Она помнила, что его темные волосы и смуглая кожа резко выделялись на фоне снега. Он был в темно-синем шерстяном свитере с кожаными заплатками на локтях, от холода его щеки покраснели. Делейни ему улыбнулась, а он с размаху бросил в нее снежок и попал в лоб, она тогда чуть сознание не потеряла. На следующий день пришлось идти в школу с двумя синяками под глазами, потом они позеленели, потом пожелтели и только очень не скоро исчезли.

– Что дальше? – спросила Гвен.

Голос матери отвлек Делейни от мыслей о Нике и прошлом.

– Если никто не оспаривает завещание, оформление пройдет довольно быстро. – Макс посмотрел на Делейни: – Вы собираетесь оспорить завещание?

– А какой смысл? Вы ясно дали понять, что я могу только принять условия Генри или отказаться от наследства.

– Это верно.

Делейни подумала, что она должна была ожидать от завещания Генри какого-нибудь подвоха. Можно было догадаться, что Генри попытается заставить ее принять руководство его бизнесом, попытается управлять всеми и всем даже из могилы. Теперь ей оставалось только сделать выбор: деньги или душа. Еще полчаса назад она бы заявила, что ее душа не продается, но это было до того, как она узнала, какую цену за нее предлагают. Теперь же все сразу стало не так четко и ясно, границы стерлись, и Делейни больше ни в чем не была уверена.

– Я могу продать имущество Генри?

– Как только получите его в собственность.

Три миллиона долларов в обмен на год жизни, а после этого она сможет поехать куда пожелает. С тех пор как десять лет назад Делейни уехала из Трули, она ни в одном месте не задерживалась надолго. Когда в ней просыпалась охота к перемене мест, она всегда уступала этому желанию. С такими деньгами она сможет поехать куда угодно; сможет заниматься чем угодно и, возможно, найдет наконец место, которое ей захочется назвать своим домом.

Меньше всего на свете Делейни хотелось вернуться в Трули. Она знала, что мать ее просто с ума сведет. Остаться здесь, потерять год жизни… – это было бы безумием.

Но и не остаться тоже было бы безумием.

Ник остановил джип в нескольких футах от обгорелых остатков того, что когда-то было большим сараем. Огонь полыхал так сильно, что строение рухнуло, сложилось как карточный домик, и от него осталась лишь кучка неузнаваемых останков. Почерневший фундамент и кучка золы слева – все, что осталось от сарая Генри.

Ник заглушил двигатель. Он готов был поставить на что угодно, что старик не собирался сжечь вместе с собой и лошадей. Ник был на пожарище в то утро, когда коронер извлекал из пепла останки Генри. Ник не ожидал, что испытает какие-нибудь чувства, и удивился, когда понял, что все-таки испытывает.

Если не считать тех пяти лет, что Ник жил и работал в Буазе, он всю жизнь оставался в том же городе, где жил отец, и оба они игнорировали существование друг друга. Только когда Луи перевел их строительную компанию в Трули, Генри решил наконец признать Ника. Гвен только что исполнилось сорок, и Генри смирился с мыслью, что она никогда не подарит ему детей. Время истекло, и он обратил взор к своему единственному сыну. К тому времени Нику было под тридцать и его уже не интересовало примирение с человеком, который столько лет отказывался его признавать. По его мнению, внезапный интерес Генри был слишком запоздалым.

Но Генри был настроен решительно. Он настойчиво предлагал Нику то деньги, то недвижимость. Он предложил заплатить ему тысячу долларов, если Ник сменит фамилию на Шоу. Ник отказался, тогда Генри удвоил ставку. Ник послал его вместе с деньгами.

Генри предлагал Нику долю в бизнесе при условии, что Ник будет действовать так, как, по мнению Генри, должен вести себя его сын.

– Приходи на обед, – сказал Генри, как будто это могло компенсировать годы равнодушия.

Ник отказался.

Однако в конце концов между ними все-таки установилось некое сосуществование, хотя и напряженное. Ник пошел отцу на уступки: прежде чем отказаться от его предложений, он их выслушивал. Даже сейчас Ник не мог не признать, что некоторые предложения были очень заманчивыми, но тогда он с легкостью их отвергал. Генри обвинял его в упрямстве, но скорее это было отсутствие интереса. Нику просто стало все безразлично. И даже когда искушение было велико, все имело свою цену, ничто не давалось просто так. Всегда пришлось бы идти на какой-то компромисс. Услуга за услугу.

Полгода назад ситуация изменилась. В попытке навести мосты Генри сделал Нику очень щедрый подарок, это было предложение мира, причем безо всяких дополнительных условий. Он просто подарил ему берег Кресент-Бей.

– Так у моих внуков будет лучший пляж в Трули.

Ник принял подарок и в течение недели подал заявку на строительство кондоминиумов на пяти акрах прибрежной земли. Предварительный план был одобрен на удивление быстро, Генри даже не успел узнать о нем и возразить. Нику очень повезло, что старик узнал обо всем уже постфактум.

Но, узнав, Генри пришел в ярость. Однако он довольно быстро оправился от потрясения, потому что было нечто, чего Генри хотел больше всего на свете. Генри хотел того, что ему мог дать только Ник, он хотел иметь внука. Прямого потомка. У Генри были деньги, земля, положение в обществе, но не было времени. Ему поставили диагноз – рак простаты в поздней стадии. Он знал, что умирает.

– Только выбери женщину, – приказал Генри несколько месяцев спустя, ворвавшись в офис Ника в центре города. – Уж наверняка ты можешь сделать кому-нибудь ребенка. Видит Бог, у тебя достаточно практики, чтобы справиться с задачей.

– Я же тебе говорил, что не встретил женщину, на которой хотел бы жениться.

– Ради Бога, ты вовсе не обязан жениться!

Ник не собирался делать никому незаконнорожденного ребенка: он ненавидел Генри за одно только это предложение. Генри предлагал это ему, своему незаконному сыну, как будто последствия не имели значения.

– Ты отказываешься мне назло! После смерти я оставлю тебе все. Все! Я говорил с адвокатом, мне придется оставить кое-что Гвен, чтобы она не могла оспорить завещание, но все остальное перейдет к тебе. От тебя требуется только одно: сделать женщине ребенка до того, как я умру. Если не можешь выбрать сам, я тебе найду девушку. Кого-нибудь из хорошей семьи.

Ник указал ему на дверь.

Мобильник, лежавший на сиденье, зазвонил, но Ник не обратил на него внимания. Он не очень удивился, узнав, что причиной смерти Генри стал выстрел в голову, а не огонь. Он знал, что Генри становится все хуже; на его месте он и сам поступил бы так же.

Это шериф Кроу рассказал Нику, что Генри покончил с собой. Правду знали немногие – так пожелала Гвен. Генри ушел из жизни на своих собственных условиях, но прежде чем уйти, составил это чертово завещание.

Ник догадывался, что Генри выкинет со своим завещанием какую-нибудь штуку, но никак не ожидал, что он поставит условие, связанное с его отношениями с Делейни. Почему она? У Ника было очень неприятное ощущение по этому поводу, он боялся, что знает ответ.

Это звучало дико, но у Ника было подозрение, что Генри пытался выбрать мать для своего внука.

По причинам, в которых Ник не хотел разбираться, Делейни всегда создавала для него проблемы. С самого начала. Взять хотя бы тот случай, когда она стояла возле школы в нарядном голубом пальто с белым меховым воротником, ее лицо было в обрамлении массы белокурых кудряшек, она посмотрела своими большими карими глазами на Ника и чуть заметно улыбнулась. Он почувствовал какое-то странное стеснение в груди, горло как будто сдавило. И вдруг, даже не сознавая, что делает, он взял да и бросил снежок ей прямо в лоб. Ник сам не знал, почему он это сделал. Это был единственный случай, когда мать выпорола его ремнем. Не столько из-за Делейни, сколько за то, что он ударил девочку. Когда Ник в следующий раз увидел Делейни возле школы, она выглядела как Зорро с синяками под глазами. Он посмотрел на нее, и ему стало не по себе, захотелось убежать домой, спрятаться куда-нибудь. Он бы попытался извиниться, но Делейни всегда убегала, завидев его. И Ник не мог ее в этом винить.

Прошло много лет, но она до сих пор как-то задевает его за живое. Все дело в том, как она иногда на него смотрит. Как на грязь под ногами. Но еще хуже, когда она смотрит как будто сквозь него, не замечая. Когда она так делала, у Ника возникало желание подойти к ней и ущипнуть, чтобы только услышать, как она ойкнет.

Сегодня он не собирался ни обижать ее, ни провоцировать. Во всяком случае, если она снова не посмотрит на него как на червяка. Но оглашение завещания Генри спровоцировало его самого. Ник приходил в бешенство при одной только мысли об этом чертовом завещании. Он думал о Генри, о Делейни, и у него снова возникало неприятное чувство где-то в мозжечке.

Ник повернул ключ зажигания и поехал обратно в город. У него было несколько вопросов, и единственным, кто мог на них ответить, был Макс Харрисон.

– Чем могу быть полезен? – спросил Макс, как только Ник вошел в просторный кабинет адвоката.

Ник не стал тратить время на праздную болтовню.

– Законно ли завещание Генри? Я могу его оспорить?

– Как я уже сказал, когда оглашал завещание, оно законно. Вы можете потратить деньги на то, чтобы его оспорить. – Он настороженно посмотрел на Ника и добавил: – Но вы проиграете дело.

– Почему он это сделал? У меня есть на этот счет свои подозрения.

Макс посмотрел на стоящего перед ним молодого мужчину. Внешне тот казался спокойным, но Макс чувствовал, что это лишь видимость, он напряжен и непредсказуем. Ник Аллегрецца не нравился Максу. Ему не нравилось, как Ник вел себя раньше, не нравилось, что он проявил неуважение к Гвен и Делейни, – мужчина не должен так себя вести в присутствии женщин. Но завещание Генри нравилось ему еще меньше. Макс сел в кожаное кресло, Ник сел напротив.

– Какие у вас подозрения?

Ник холодно посмотрел на Макса и сказал без обиняков:

– Генри хочет, чтобы я сделал Делейни ребенка.

Макс колебался, говорить ли Нику правду. По отношению к покойному клиенту он не испытывал ни любви, ни преданности. Генри был очень трудным клиентом и не раз игнорировал его профессиональные советы. Макс предупреждал Генри насчет составления столь эксцентричного и чреватого многими последствиями завещания, но Генри Шоу всегда поступал только по-своему, а Макс слишком ценил деньги, чтобы позволить этому клиенту уйти к другому адвокату. И он сказал Нику правду – отчасти потому, что чувствовал некоторые угрызения совести из-за своего участия в этом деле.

– Да, его намерение было таким.

– Тогда почему он не написал об этом в завещании прямо?

– Генри составил свое завещание именно в таком виде по двум причинам. Во-первых, он сомневался, что вы согласитесь завести ребенка ради собственности или ради денег. Во-вторых, я его проинформировал, что если вы оспорите условие завещания, требующее от вас сделать женщину беременной, то у вас велика вероятность выиграть дело, так как условие может быть признано противоречащим моральным принципам. Кажется, Генри сомневался, что в окрестностях найдется хоть один судья, считающий, что у вас вообще есть моральные принципы, когда дело касается женщин. Но если бы вам удалось оспорить завещание, то цель Генри не была бы достигнута.

Макс замолчал. Он видел, как Ник сжал зубы, и ему было приятно увидеть его реакцию, пусть даже столь слабую. Это наводило на мысль, что Нику все же не чужды человеческие эмоции.

– Всегда есть вероятность, что вы найдете судью, который признает условие недействительным.

– Но почему именно Делейни? Почему не другая женщина?

– У Генри сложилось впечатление, что у вас с Делейни есть какое-то общее тайное прошлое, – пояснил Макс. – И Генри решил, что если он запретит вам прикасаться к Делейни, то вы сочтете своим долгом ему не подчиниться. Насколько я понял, в прошлом так и бывало.

У Ника от ярости сдавило горло. У него и Делейни не было никакого общего тайного прошлого. «Тайное прошлое» – это звучит слишком романтично, больше подходит для Ромео и Джульетты. Что же касается идеи запретного плода, которую изложил Макс, то когда-то она могла бы сработать, но Генри перестарался, переиграл самого себя. Ник больше не ребенок, которого тянуло к тому, что было ему недоступно. Теперь он не совершает какие-то поступки из желания сделать назло старику. И его больше не тянет к фарфоровой кукле, за которую ему дают по рукам.

– Спасибо. – Ник встал. – Я знаю, что вы могли бы ничего мне не говорить.

– Вы правы.

Макс протянул руку, и Ник ее пожал. Он догадывался, что адвокат его недолюбливает, и это его вполне устраивало.

– Надеюсь, Генри напрасно так старался, – сказал Макс. – Ради Делейни хотелось бы надеяться, что все пойдет иначе.

Ник не стал утруждать себя ответом. С его стороны добродетели Делейни ничто не угрожало. Он вышел на улицу и направился к своему джипу. Звонок мобильника он услышал еще до того, как подошел к машине и открыл дверцу. Телефон перестал звонить, но тут же зазвонил снова. Ник завел мотор и потянулся за мобильником. Звонила мать, она интересовалась завещанием и напоминала, чтобы Ник пришел к ней на ленч. Ник не нуждался в напоминании – и Луи, и он приходили к матери на ленч семь дней в неделю. Это решало две задачи: мать не волновалась, хорошо ли они питаются, и ей не нужно было приходить к ним домой и приводить в порядок их шкафы.

Но сегодня Ник предпочел бы не встречаться с матерью. Он знал, как она отреагирует на завещание Генри, и ему совсем не хотелось говорить с ней на эту тему. Она будет рвать и метать, обрушивая гневные тирады на всех, кто носит фамилию Шоу. И Ник считал, что у нее есть немало резонных оснований ненавидеть Генри.

Ее муж Луи погиб за рулем грузовика, принадлежавшего компании Генри. Бенита осталась одна с маленьким Луи на руках. Через несколько недель после похорон Луи Генри приехал к ней домой, чтобы выразить свое сочувствие и участие. Позже, той же ночью, он ушел, унося с собой подписанный молодой вдовой документ, в котором она снимала с него ответственность за смерть Луи. Генри оставил ее с чеком – и с будущим ребенком в утробе. После

рождения Ника Бенита встретилась с Генри и поставила его перед фактом, но Генри заявил, что ребенок не может быть от него. И он продолжал это утверждать на протяжении большей части жизни Ника.

Но хотя Ник и понимал, что его мать имеет право злиться на Генри, гневная тирада, которую он услышал дома, удивила своей яростью даже его. Бенита проклинала завещание на трех языках: испанском, баскском и английском. Из того, что она наговорила, Ник понял не все, однако в основном гнев матери был направлен на Делейни. И это при том, что Ник еще не рассказал ей про абсурдное условие завещания, запрещающее секс. Он надеялся, что об этом ему вообще не придется рассказывать.

– Ох уж эта девчонка! – кипятилась Бенита, яростно отрезая ломоть хлеба. – Вечно он ставил эту neska izugarri впереди своего сына. Ты – его плоть и кровь, а она никто, никто! Но все достается ей.

– Может быть, она еще уедет из города, – напомнил Ник. Ему было безразлично, осталась Делейни или уже на пути к дому. По большому счету ему не были нужны ни бизнес Генри, ни его деньги. Тот участок земли, который Нику был нужен, Генри ему уже отдал.

– Ба! С какой это стати ей уезжать? Твой дядя Джосу найдет, что сказать по этому поводу.

Джосу Оличи был единственным братом Бениты. Он был овцеводом в третьем поколении и имел ранчо неподалеку от Марсинга. Поскольку мужа у Бениты не было, главой семьи она считала Джосу независимо от того, что ее сыновья уже давно стали взрослыми.

– Не обременяй его этим делом, – посоветовал Ник. Он прислонился к дверце холодильника. В детстве, когда он попадал в какую-нибудь неприятность или когда мать решала, что им с Луи необходимо благотворное влияние мужчины, их отправляли на лето к Джосу и его пастухам. Обоим братьям это нравилось – до тех пор пока они не открыли для себя существование девочек.

Хлопнула дверь черного хода, и в кухню вошел Луи. Он был ниже Ника ростом, плотный, с черными волосами и темными глазами, унаследованными от обоих родителей.

– Ну, – начал Луи, едва закрыв за собой сетчатую дверь, – и что старик тебе оставил?

Ник улыбнулся и выпрямился. Брат оценит его наследство по достоинству.

– Тебе понравится, – сказал он.

– Ему почти ничего не досталось, – перебила мать, унося в столовую тарелку с нарезанным хлебом.

– Он завещал мне Энджел-Бич на Силвер-Крик.

Луи вскинул брови, глаза у него загорелись.

– Черт подери!

Владелец строительной фирмы, мужчина тридцати четырех лет от роду произнес это шепотом, чтобы не услышала мать.

Ник рассмеялся, и братья прошли следом за Бенитой в столовую и сели за обеденный стол полированного дуба. Мать аккуратно сложила кружевную скатерть и ушла на кухню.

– Что будешь строить на Энджел-Бич? – спросил Луи. Он справедливо предположил, что Ник захочет застроить землю. Возможно, Бенита не знала цену наследства Ника, но Луи-то знал.

– Еще не решил. У меня целый год на раздумья.

– Год?

Бенита поставила перед сыновьями миски с мясным рагу и тоже села за стол. На улице было жарко, и Нику не хотелось есть горячее рагу.

– Я получу эту землю, если кое-что сделаю. Вернее, если кое-чего не сделаю.

– Он что, снова пытается заставить тебя сменить фамилию?

Ник поднял взгляд от еды. Мать и брат смотрели на него в ожидании ответа, не отвертишься. Они – его семья и уверены, что совать носы в его дела – это их святое, Богом данное право. Ник отломил кусочек от ломтя хлеба, прожевал его и только потом сказал:

– Есть одно условие. Я получу этот участок через год, если за это время не буду иметь дела с Делейни.

Луи медленно поднял ложку.

– Иметь дела? В каком смысле?

Ник искоса посмотрел на мать. Та по-прежнему смотрела на него во все глаза. Она никогда не говорила со своими сыновьями о сексе, она о нем даже не упоминала. «Серьезный разговор» она предоставила дяде Джосу – правда, к тому времени братья Аллегрецца уже сами почти все знали. Ник повернулся к брату и изогнул выразительно бровь.

Луи поднес ложку ко рту.

– А что произойдет, если ты это сделаешь?

– Как это «что произойдет»? – Ник нахмурился и тоже взял ложку. Даже если бы он был настолько сумасшедшим, чтобы желать Делейни (а он не сумасшедший), то она-то его ненавидит. Сегодня он прочел ненависть в ее глазах. – Ты говоришь так, как будто это возможно.

Луи промолчал. Ему и не нужно было ничего говорить, он знал историю брата.

– Что произойдет? – спросила Бенита.

Она ничего не знала, но считала, что имеет право знать все.

– Тогда землю унаследует Делейни.

– Ну конечно! Мало того, что она и так получает все, что по праву должно быть твоим! Ну, Ник, – предрекла мать, – теперь эта девчонка будет за тобой бегать, чтобы заграбастать твое наследство. – Сказывалось, что в ее жилах течет кровь многих поколений недоверчивых и скрытных басков. Бенита прищурилась. – Будь осторожен: она такая же жадная, как ее мать.

Ник очень сомневался, что ему следует остерегаться Делейни. Вчера вечером, когда он подвозил ее до дома матери, она сидела в его машине прямо, как статуя. Лунный свет падал на нее сбоку, и Ник видел только ее профиль, но не было никаких сомнений, что она страшно зла на него.

– Ник, – продолжала мать, – обещай, что будешь осторожен.

– Обязательно буду.

Луи что-то буркнул. Ник хмуро посмотрел на брата и решительно сменил тему:

– Как Софи?

– Завтра возвращается домой, – ответил Луи.

– Отличная новость.

Бенита улыбнулась и положила ломоть хлеба рядом с тарелкой.

– Вообще-то я рассчитывал, что у нас с Лайзой будет чуть больше времени до того, как придется сказать Софи про свадьбу. Не знаю, как она отнесется к этой новости.

– В конце концов она привыкнет к мачехе, все будет хорошо, – предсказала Бенита.

Лайза нравилась Бените, но она не происходила из басков и не была католичкой, а это означало, что Луи не может венчаться с ней в церкви. При этом для Бениты не имело значения, что Луи был разведен и в любом случае не мог венчаться в церкви. За Луи Бенита не волновалась, с ним все будет хорошо, ее беспокоил Ник. За него она всегда волновалась.

Бенита ненавидела всех, кто носил фамилию Шоу, но больше всего она ненавидела Генри – за то, как он обошелся с ней и как обращался с ее сыном. Но эту девчонку и ее мать она тоже ненавидела. Бенита много лет наблюдала, как Делейни разгуливает в нарядных платьицах, в то время как Нику приходилось донашивать одежду Луи, которую Бенита чинила. Делейни покупали новые велосипеды и дорогие игрушки, а Ник обходился без них или довольствовался секонд-хэндом. Бенита видела, что у Делейни было всего гораздо больше,

чем требуется маленькой девочке. Но Ник ходил с гордо поднятой головой, расправив плечи. Стойкий маленький мальчик. Каждый раз, когда Ник притворялся, что для него это совсем не важно, сердце Бениты обливалось кровью. Каждый раз, когда она замечала, как он наблюдает за той девчонкой, в ее душе прибавлялось горечи.

Бенита равно гордилась своими сыновьями и равно любила обоих, но она знала, что Ник отличался от Луи. Он был слишком чувствительным.

Она посмотрела на младшего сына. За Ника у нее всегда будет болеть сердце.

Глава 4

В кармане шорт Делейни шуршали пластиковые пакетики для собачьих какашек, и в этом ей виделось нечто символическое, жалкая метафора ее жизни. Дерьмо, иначе не скажешь – вот во что превратилась ее жизнь с тех самых пор, как она продала душу за деньги, и в ближайшие одиннадцать месяцев улучшений не предвиделось. Почти все ее вещи лежали в камере хранения на окраине города, а самыми близкими ее товарищами стали пара веймарских легавых.

На то, чтобы принять решение по поводу завещания Генри, Делейни понадобилось меньше пяти часов. Неприлично мало, но ей нужны деньги. Ей дали недельную отсрочку, чтобы съездить в Финикс, уволиться с работы и закрыть квартиру. Расставаться с друзьями из «Валентайна» было тяжело, но еще тяжелее было распрощаться с собственной свободой. Прошел всего месяц, а ей казалось, что она уже год провела в заточении. Делейни не работала; жила она с матерью, а потому носила скучную одежду, которая ей самой абсолютно не нравилась.

Делейни шла по Грей-Скуиррел-лейн к центру города, солнце припекало ей макушку. Десять лет назад, когда она еще жила в Трули, многие улицы не имели названий – в этом просто не было необходимости. Но с учетом недавно начавшегося строительного бума и наплыва владельцев летних домиков городской совет решил дать улицам имена и расстарался вовсю. Та часть города, где жила Делейни, похоже, была посвящена грызунам. Лайза устроилась получше – она жила на Милкуид, а по соседству, естественно, были улицы Рэгуид и Тамблуид.

В этот приезд Делейни заметила и много других перемен в городе. Деловой район раза в четыре увеличился в размерах, а старой части города сделали косметическую операцию по омоложению. Массовое нашествие яхт и катеров для катания на водных лыжах привело к появлению двух общественных пандусов для спуска их на воду, а еще власти построили три новые автостоянки. Помимо этих, изменений было и еще два заметных и очень красноречивых признака того, что город переполз-таки в девяностые годы. Во-первых, между агентством недвижимости и закусочной «Здоровая еда» появилась кофейня «Маунтин-Ява-Эспрессо». А во-вторых, в старой лесопилке устроили мини-пивоварню. А ведь когда Делейни жила в Трули, местные жители пили лишь кофе «Фолджерс» и пиво «Коорс»; кофе с обезжиренными сливками они бы назвали «кофе для неженок», а любой, кто произносил слова «земляничное пиво», сильно рисковал схлопотать по шее.

Был День независимости, и город буквально распирало от патриотизма. Красными, белыми, голубыми флагами и лентами было украшено абсолютно все – от таблички «Добро пожаловать в Трули!» до деревянной скульптуры индейца, стоявшей перед зданием почты. Позже, конечно, будет парад. В Трули парады устраивали по всякому поводу. Делейни решила пошататься по центру города до начала парада – все равно ей больше нечем было заняться.

На углу Бивер-стрит и Мэйн-стрит Делейни остановилась, пропуская прогромыхавший мимо тягач. Дьюк и Долорес послушно держались рядом с ней, поэтому она достала из кармана лакомство и наградила собак за хорошее поведение. Добиться, чтобы собаки стали считать ее главной, было нелегко – на это у Делейни ушло несколько недель.

Но времени у нее было в избытке. За прошедший месяц Делейни пообщалась с несколькими старыми подругами, но все они вышли замуж, завели детей и теперь смотрели на Делейни так, будто в ее состоянии – одна, без мужа и детей – было что-то ненормальное.

Делейни с удовольствием проводила бы больше времени с Лайзой, но у той, в отличие от нее, была работа и был жених. Делейни была бы рада обсудить с подругой завещание

Генри и открыть ей истинную причину своего пребывания в Трули, но она боялась. Если бы условие завещания стало достоянием гласности, жизнь в Трули превратилась бы для Делейни в кошмар. Она стала бы предметом нескончаемых сплетен и пересудов. А уж если станет известна та часть завещания, которая касается Ника, то ей и вовсе останется только покончить с собой.

А пока что Делейни рисковала умереть от скуки, прежде чем эта история закончится. Целыми днями она только тем и занималась, что смотрела разные ток-шоу или выводила Дьюка и Долорес погулять, лишь бы сбежать от жизни, которую подготовила для нее мать. Гвен почему-то решила, что раз Делейни будет целый год жить в Трули, то ей следует участвовать во всех проектах, в которых участвует она сама, входить в те же организации и посещать те же собрания. Гвен дошла до того, что даже записала Делейни в инициативную группу некоего комитета, занимающегося проблемой наркомании в Трули. Делейни вежливо отклонила предложение. Во-первых, потому что считала саму тему наркомании в Трули смехотворной, а во-вторых, она скорее стала бы питаться отбросами, чем участвовать в общественной жизни.

Делейни прошла дальше по Мэйн-стрит, мимо гастронома и магазина футболок. Оба магазина появились недавно, и, судя по количеству пешеходов, в обоих дела шли неплохо. Делейни прошла мимо крошечного книжного магазина и остановилась перед узким двухэтажным зданием, втиснутым между кафе-мороженым с одной стороны и офисом «Аллегрецца констракшн». По стеклянной витрине шла надпись масляной краской:

«Парикмахерский салон «Глория». Любая стрижка и прическа за 10 долларов».

Делейни подумала, что такая вывеска не очень-то хорошо характеризует таланты Глории.

Дьюк и Долорес сели у ее ног, и она стала почесывать у них за ушами. Потом придвинулась ближе к стеклу, чтобы рассмотреть интерьер салона. Внутри стояли красные парикмахерские кресла. Когда бы Делейни ни проезжала через центр города, салон всегда был закрыт.

– Привет, ты что тут делаешь?

Делейни обернулась на голос Лайзы. Лайза стояла рядом с Луи, и в этом не было ничего удивительного. От его открытого взгляда Делейни стало немного не по себе. Хотя, возможно, дело было в том, что Луи – брат Ника.

– Я просто разглядывала этот салон, – объяснила она.

– Мне пора идти, alu gozo, – сказал Луи.

Он поцеловал невесту так, что Делейни отвела взгляд и стала смотреть на голову Дьюка. У нее уже больше года не было бойфренда, да и с последним отношения продлились не больше четырех месяцев. Она не могла припомнить, когда ее в последний раз так целовал мужчина: как будто хочет ее съесть и ему безразлично, кто на них смотрит.

– Пока, Делейни.

Она подняла глаза.

– Пока, Луи.

Луи вошел в здание по соседству с салоном. Провожая его взглядом, Делейни думала, что, возможно, она потому чувствует себя рядом с ним неуютно, что он очень мужественный, как и Ник. Только Ник выше и стройнее, а Луи более коренастый и мощный как бык. Братьев Аллегрецца не увидишь в водолазках от Версаче.

– Что значит alu gozo? – спросила Делейни, не без труда выговаривая иностранные слова.

– Это ласковое обращение, что-то вроде «милая». Луи иногда бывает очень романтичным.

Делейни неожиданно ощутила зависть.

– Куда ты направляешься?

Лайза наклонилась и почесала Дьюка и Долорес за ушами.

– Я возила Луи на ленч, а теперь привезла обратно в офис.

– Где вы были?

Собаки стали лизать Лайзе пальцы. Она улыбнулась.

– У меня дома.

Делейни почувствовала острый укол зависти к подруге и вдруг поняла, что она гораздо более одинока, чем ей казалось. Был День независимости, пятница, а впереди ее ждал длинный уик-энд – пустой. Ей не хватало друзей, оставшихся в Финиксе, не хватало прежней, насыщенной жизни.

– Хорошо, что я тебя встретила, – сказала Лайза. – Что ты делаешь сегодня вечером?

«Абсолютно ничего», – подумала Делейни.

– Пока не знаю.

– Мы с Луи приглашаем друзей, и я хочу, чтобы ты тоже пришла. Его дом стоит вблизи Хошшу-Бей, оттуда очень хорошо виден фейерверк, который будут запускать над озером. Зрелище очень красивое.

Делейни Шоу в доме Луи Аллегреццы? Брата Ника? Сына Бениты? Пару дней назад Делейни встретила Бениту в бакалейной лавке и поняла, что все запомнившееся ей с детства об этой женщине по-прежнему верно. Никто не мог бы продемонстрировать столько ледяного презрения, как Бенита Аллегрецца. Никто не мог бы вложить в один взгляд темных глаз столько превосходства и пренебрежения одновременно.

– Спасибо, но нет, лучше не надо.

– Трусишка.

Лайза выпрямилась и вытерла руки о джинсы.

– Я не трусишка. – Делейни переступила с ноги на ногу и склонила голову набок. – Просто не хочу идти туда, где, как я знаю, буду нежеланным гостем.

– Ты будешь желанным гостем. Я говорила с Луи, он совсем не против того, чтобы ты пришла. – Лайза глубоко вздохнула и добавила: – Он сказал, что ты ему нравишься.

Делейни засмеялась:

– Врушка.

– Ну ладно, он сказал, что он тебя не знает. Но если узнает, ты ему точно понравишься.

– Ник там будет?

Делейни считала, что, для того чтобы выжить в течение ближайшего года, ей нужно всеми силами избегать Ника. Он был груб и намеренно напоминал ей о вещах, о которых она хотела бы забыть. И если она вынуждена торчать в одном городе с ним, это вовсе не означает, что она должна с ним общаться.

– Ник договорился покататься с друзьями на лодке, так что его не будет.

– А как насчет миссис Аллегрецца?

Лайза посмотрела на нее как на ненормальную:

– Естественно, ее не будет! Луи приглашает нескольких парней, которые у него работают, и еще будет Софи с подружками. Мы обеспечим хот-доги и бургеры, все собираются к шести. Серьезно, приходи! Какие у тебя еще есть занятия?

– Вообще-то я собиралась посмотреть парад.

– Делейни, к шести он закончится. Ты же не хочешь сидеть одна дома?

Отсутствие у Делейни личной жизни было столь явным, что она смутилась и посмотрела вдаль. Она подумала о предстоящем вечере. Действительно, чем ей заняться? Ну конечно, после «Колеса фортуны».

– Ладно, наверное, я зайду. Но только если Луи действительно не против.

Лайза отмела ее тревоги взмахом руки и шагнула в сторону, собираясь уходить.

– Говорю же, мы с ним это обсуждали и он не возражает. Вот увидишь, когда он узнает тебя получше, ты ему понравишься.

Лайза ушла, оставив подругу в смятении. Делейни не разделяла оптимизма Лайзы. Луи – брат Ника, а напряжение и враждебность, которые существуют между ней и Ником, очень уж ощутимы. После оглашения завещания Делейни больше не разговаривала с Ником, но несколько раз встречала его. Сначала она видела, как он мчался на мотоцикле по Уэгон-Уилроуд, потом через несколько дней, как он входил в бар Морта с какой-то рыжей девицей, буквально прилипшей к нему. А в последний раз она видела его на перекрестке Мэйн-стрит и Первой улицы. Делейни ехала на машине и остановилась на светофоре, а Ник переходил улицу прямо перед ней. Глядя на него, она вдруг вспомнила…

«Ну не знаю, Фрэнк. Делейни довольно сексуальная, вдруг я не смогу совладать с собой?»

Делейни крепче сжала руль и почувствовала, что краснеет. Ник смотрел на папку с бумагами, которую нес в руке, и не видел Делейни. Ей вдруг пришло в голову – а что, если бы она нечаянно на него наехала? Если бы ее нога случайно соскользнула с педали тормоза и нажала на педаль газа? Если бы она случайно переехала его, а потом для верности дала бы еще задний ход?

Она нажала на газ своей «миаты», как автогонщик по сигналу стартового пистолета, и отпустила сцепление ровно настолько, чтобы машина въехала на край пешеходного перехода. Ник вздрогнул и отскочил в сторону. Его серые глаза впились в нее взглядом из-под нахмуренных бровей. Какая-нибудь доля секунды – и ее бампер задел бы его правую ногу.

Делейни улыбнулась Нику, и жизнь в этот момент казалась ей прекрасной.

В течение нескольких часов Делейни никак не могла решить, идти ли ей в гости к Лайзе или нет, пока у нее не мелькнула мысль, что она отчетливо представляет себя устроившейся на диване со стопкой журналов и бутылкой вина. Ей двадцать девять лет. И если она срочно не предпримет чего-нибудь по этому поводу, то вполне может стать одной из тех женщин, которые надевают шляпы, вместо того чтобы причесываться, и носят, вместо красных туфель на платформе спортивные тапочки. Боясь передумать, Делейни торопливо надела черную водолазку и кожаный жилет цвета лайма. Джинсы на ней были тоже черные, а высокие ботинки подходили по цвету к жилету. Она уложила волосы при помощи мусса и в каждую из четырех дырочек, которые были у нее в каждом ухе, вставила по простой золотой сережке в форме кольца.

На вечеринку Делейни приехала в начале девятого. Дверь ей открыли три хихикающие девочки лет тринадцати. Они повели ее в глубину просторного дома, построенного из речного камня и кедра.

– Все там, – сказала одна из них, девочка с темными глазами. – Если хотите, можете оставить сумочку в папиной комнате…….

В маленькой кожаной сумочке в форме шляпной коробки у Делейни лежали бумажник и помада цвета бургундского вина. Делейни задумалась: если сумочка пропадет, без кошелька можно обойтись, а вот купить помаду от «Эсте Лаудер» взамен утерянной ей не удастся целый год.

– Нет, спасибо. Ты Софи?

Проходя через кухню, девочка едва взглянула на Делейни через плечо.

– Да. А вы кто?

У Софи были ямочки на щеках и брекеты на зубах. И великолепные черные волосы с ужасными посеченными концами. Делейни всегда бесили посеченные концы волос. Это как криво висящая картина, которая не дает покоя до тех пор, пока не перевесишь ее ровно.

– Я подруга Лайзы, Делейни.

Софи резко обернулась и посмотрела на Делейни расширенными глазами.

– О Боже! Я слышала о вас от бабушки.

Судя по выражению лица Софии, Бенита не рассыпалась в комплиментах в адрес Делейни.

– Понятно, – буркнула Делейни.

Она обошла девочек и через двустворчатую стеклянную дверь вышла на веранду. На белый песок пляжа падала широкая тень от двух огромных сосен. На легких волнах озера Лейк-Мэри покачивалось несколько лодок, привязанных к пирсу.

– Привет, – сказала Лайза. Оставив гостей, она подошла к Делейни. – А я уж боялась, что ты не выберешься. Ты сюда пришла с какой-нибудь вечеринки?

Делейни посмотрела на свою одежду, потом на других гостей – все были в футболках и шортах.

– Нет, я еще не совсем оправилась от простуды, – ответила она. – Ты уверена, что никто не против моего прихода?

– Конечно! Как тебе парад?

– Почти такой же, как в прошлый раз, когда я его видела. За исключением того, что группа ветеранов Второй мировой войны сократилась до двух стариков на последнем сиденье школьного автобуса. – Делейни улыбнулась. Впервые за последний месяц она почувствовала себя непринужденно. – А самое большое развлечение по-прежнему – угадать, кто из ничего не подозревающих трубачей наступит в конский навоз.

– А как школьный оркестр младших классов? Софи говорила, что в этом году они неплохо играют.

Делейни силилась придумать что-нибудь лестное.

– Знаешь, – сказала она наконец, – форма у них красивее, чем была в наше время.

– Я так и думала, – засмеялась Лайза. – Есть хочешь?

– Я уже поела.

– Пойдем, я тебя со всеми познакомлю. Есть несколько человек, которых ты сможешь вспомнить.

Лайза подвела Делейни к компании, собравшейся вокруг барбекю. Здесь было человек пятнадцать – друзья Лайзы и Луи, которых они знали почти всю жизнь, и несколько человек из компании «Аллегрецца констракшн».

Делейни поболтала с Андреа Хафф, которая в свое время была лучшей нападающей в их бейсбольной команде. Андреа вышла замуж за Джона Френча – парня, который принял одну из ее подач животом, после чего его вырвало прямо на поле. Казалось, эти двое счастливы вместе, и Делейни задумалась, была ли в этом какая-то закономерность.

– У меня двое сыновей. – Андреа показала на берег внизу. Потом перегнулась через перила и крикнула компании ребят, плескавшихся в воде: – Эрик! Эрик Френч! Я же не велела тебе заходить в воду сразу после еды!

Мальчик с волосами, похожими на паклю, оглянулся и рукой заслонил глаза от солнца.

– Я зашел только по колено!

– Ладно, но если утонешь, не приходи ко мне жаловаться. – Андреа выпрямилась и вздохнула. – У тебя есть дети?

– Нет. Я не была замужем.

Андреа посмотрела на нее как на пришельца с другой планеты. Делейни догадывалась, что в Трули двадцатидевятилетняя женщина, которая ни разу не была замужем, – большая редкость.

– Ну, расскажи, чем ты занималась после окончания школы.

Делейни рассказала о городах, в которых она жила, потом разговор перешел на общие воспоминания о временах, когда они обе росли в Трули. Вспоминали, как катались на санках у подножия горы Шоу. Посмеялись, вспомнив, как Андреа однажды, катаясь на водных

лыжах, потеряла верх от бикини. Неожиданно Делейни почувствовала, что на душе у нее стало тепло и спокойно. Оказалось, что разговаривать с Андреа – это как найти нечто, о потере чего Делейни даже и не подозревала и не понимала, как ей этого не хватает, ну, например, старые удобные шлепанцы, давно замененные более новыми и более яркими.

Лайза познакомила Делейни с несколькими неженатыми мужчинами, работающими в компании Луи. Делейни неожиданно для себя получила щедрую порцию очень лестного мужского внимания. Ее новые знакомые были моложе, чем она. Некоторые из них, загорелые, со стальными мускулами, выглядели так, словно сошли с рекламного плаката диетколы. Делейни мысленно порадовалась, что не осталась дома. Особенно когда водитель экскаватора протянул ей бутылку пива и посмотрел на нее ясными голубыми глазами. Его волосы выгорели на солнце, и был во всем его облике некий потертый шик, который показался бы Делейни очень привлекательным, не будь он таким искусственным. В якобы небрежно взлохмаченных волосах парня было слишком много геля, и это мешало естественности. Но сам Стив считал, что он неотразим.

– Пойду посмотрю, как там Луи, – сказала Лайза, улыбаясь. Оказавшись за спиной Стива, она показала Делейни поднятый большой палец. Как будто они все еще школьницы и оценивают парней, с которыми ходят на свидания.

– Я вас видел в городе, – сказал Стив, как только они остались вдвоем.

– Правда? – Делейни поднесла бутылку ко рту и отпила. – Где?

– В вашей маленькой желтой машине. – Стив продемонстрировал в улыбке очень белые, немного неровные зубы. – Вас трудно не заметить.

– Наверное, моя машина привлекает внимание.

– Нет, не машина. Это вас трудно не заметить.

В простых футболках и шортах, которые Делейни носила в последнее время, она чувствовала себя совершенной невидимкой. Искренне удивившись, она ткнула в себя пальцем и переспросила:

– Меня?

– Только не говорите, что вы из тех девушек, которым нравится притворяться, будто они не знают, что они красивые.

Красивая? Делейни знала, что она вовсе не красивая. Она привлекательна и может выглядеть очень даже неплохо, если постарается. Но если Стив хочет сказать ей, что она красавица, – пусть, она не будет ему возражать. Потому что хотя он и не очень естественный, но он все же не собака – ни в переносном смысле, ни в прямом. В последнее время Делейни так много времени проводила в обществе Дьюка и Долорес, что, пожалуй, в лучах такого внимания могла бы и растаять – если позволит себе.

– Сколько вам лет? – спросила она Стива.

– Двадцать два.

На семь лет моложе. Делейни в двадцать два вовсю экспериментировала с жизнью. Тогда она чувствовала себя как заключенный, на время выпущенный из тюрьмы. В течение пяти лет, между девятнадцатью и двадцатью четырьмя годами, ее жизнь была полна безрассудства и абсолютной свободы. Отличное было время, однако сейчас она была рада, что стала старше и мудрее.

Делейни посмотрела вниз, на девочек. Подростки бежали к кромке воды, размахивая руками. Если разобраться, не так уж намного она старше Стива. И она не ищет серьезных отношений. Делейни еще немного отпила из бутылки. Она подумала о том, что могла бы просто использовать этого парня на лето. Использовать, а потом бросить. Ее-то мужчины использовали и бросали, почему бы ей не поступить с ними так же, как они с ней?

– Дядя Ник вернулся! – крикнула Софи отцу, стоявшему в окружении друзей.

Делейни похолодела. Ее взгляд метнулся к лодке, медленно приближавшейся к краю причала, и к мужчине, который стоял у штурвала, широко расставив ноги. Его темные волосы развевались на ветру, позади него сидели три пассажирки. Лодка вошла в тень высокой сосны. Софи и ее подружки бросились к причалу, возбужденные голоса подростков заглушили шум мотора. Ник засмеялся, и ветер донес его смех до Делейни. Она поставила бутылку на перила и повернулась, чтобы найти Лайзу. Та стояла в нескольких футах от нее с виноватым видом.

– Извини, Стив, – сказала Делейни и направилась к подруге.

– Только не убивай! – прошептала Лайза.

– Надо было мне сказать.

– А ты бы тогда пришла?

– Нет.

– В таком случае я рада, что соврала.

– Хотела, чтобы я пришла и ушла?

– Не будь занудой. Тебе давно пора забыть свою враждебность по отношению к Нику.

Делейни посмотрела Лайзе в глаза. Она старалась не принимать слова подруги близко к сердцу, напомнив себе, что Лайза не знает о завещании Генри и о том, как Ник использовал ее десять лет назад.

– Я знаю, он будет твоим деверем, но у меня есть веские основания испытывать к нему «враждебность», как ты выразилась.

– Луи мне рассказал.

В мозгу Делейни пронеслись мириады вопросов. Кто еще что-то знает? Много ли они знают? Кто, кому и что рассказал?

– Что он тебе сказал?

– Он рассказал про завещание.

Делейни покосилась на Луи, который смотрел на озеро. Конечно, она бы предпочла, чтобы о завещании не знал никто, но больше всего ее волновало не это. Слава Богу, ее самый большой страх до сих пор похоронен в прошлом.

– Давно ты в курсе?

– Примерно с месяц. Жалко, что ты мне сама не рассказала. Я хотела, чтобы ты участвовала в моей свадьбе, но ждала, когда ты сама мне скажешь, что на тот момент будешь здесь. Было очень трудно притворяться, что я ничего не знаю, но теперь я наконец могу попросить тебя быть подружкой невесты. Я хотела, чтобы ты была главной подружкой, но время шло, так что пришлось попросить сестру. Но я…

– Что конкретно Луи тебе рассказал? – перебила Делейни. Она схватила Лайзу за руку и потянула за собой в ту часть террасы, где их никто не мог услышать.

– Он сказал, что если ты уедешь из Трули, то твою часть земли Генри унаследует Ник, а если вы с ним будете заниматься сексом, то ты унаследуешь его часть.

– Кто еще об этом знает?

– Наверное, Бенита.

Ну конечно.

– И еще, вероятно, Софи. Она что-то такое говорила насчет того, что подслушала слова бабушки. – От страха у Делейни засосало под ложечкой. Она выпустила руку Лайзы.

– Это так унизительно! Теперь об этом узнает весь город и, куда бы я ни пошла, все будут за мной следить, не уехала ли я из города и не занимаюсь ли сексом с Ником. – При одной мысли об этом у нее свело скулы. – Как будто это вообще может произойти.

– Больше никто не узнает. Если тебя беспокоит Софи, я могу с ней поговорить.

– И она тебя послушается?

– Послушается – если я скажу, что сплетни могут повредить Нику. Софи его обожает, в ее глазах он святой и не может поступить неправильно.

Делейни взглянула в сторону святого Ника и его гарема. Ник вручил Софи большой бумажный пакет, и она в компании подружек побежала к столу для пикников, поставленному на пляже. В свободной зеленой футболке без рукавов, потертых джинсах с большой треугольной прорехой над правым коленом и в резиновых шлепанцах Ник выглядел так, будто только что встал с постели. Делейни перевела взгляд на его спутниц. Возможно, так оно и было.

– Интересно, где он их подцепил, – заметила Лайза, имея в виду блондинку рядом с Ником и двух брюнеток, которые шли за ним по пятам. – Он всего лишь ездил домой за фейерверками для Софи.

– Что ж, как видно, он прихватил не одну легковоспламеняющуюся ракету, а больше. Кто эти женщины?

– Блондинка – Гейл, не знаю, как ее фамилия по мужу, а до замужества она была Таннер – дочка судьи Таннера. Те, которые идут сзади, – двойняшки Хоуэлл, Лонна и Ланна.

Делейни вспомнила Гейл Таннер. Она была на несколько лет старше Делейни, и их семьи иногда встречались. А еще она узнала в ней женщину, которую Ник подцепил на похоронах Генри. Двойняшки Хоуэлл были ей незнакомы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.